

После нудных, затяжных дождей, холодных, как стальные лезвия, когда вся надежда на погожие дни уже исчезла, уже народ перетряхнул зимнюю одежду, дожидаясь морозов, уже в батареях отопления весело зажурчало тепло, природа однажды утром улыбнулась во всю ширь горизонта алой зарей, и новый день как ни в чем не бывало выкатил над городом шар уже позабытого солнца, разогревая остывший за эти дни воздух.

Снова распахнуты плащи и куртки, развязаны шарфы, снова непокрытую голову овеивает по-летнему теплый ветерок.

Откуда-то, словно из-за пазухи, день высыпал в придорожную, давно отцветшую траву бесчисленное количество воробьев. Они кричат так, словно это вовсе и не спорыш-травка, а настоящее просо.

Слава Богу, пришло на короткую побывку бабье лето.

Так бывает в природе, но так может случиться и в человеческой судьбе. Вроде беспросветное существование, вроде и отдушины никакой нет, а, глядишь, и улыбнется тебе судьба, пошлет солнечный зайчик, и ты согреешься возле него, оттаяв душой и сердцем.

Извилисты дороги у Господа Бога, но путь его прям.

В этой парадоксальной истине вся жизнь человека, вся его деятельность на этом свете. Недаром говорят: «Что Бог ни делает, все к лучшему!»

Возьмем, например, Ниночку Теплякову, женщину еще ничего себе, справную и лицом, и телом. В свои сорок пять она выглядит на все тридцать и даже моложе, а судьба у нее аховая: замуж вышла по бедности в неполные семнадцать лет, родила сына, с которым ютилась в полуподвальном барачном помещении одна. О муже и говорить нечего. Тот после женитьбы как с цепи сорвался, пил и гулял напропалую с кем ни попадя. Бывало, придет домой на рогах, упадет на постель во всем, в чем был и, отвернувшись к стенке, захрапит, как колесо ржавое, несмазанное. Или того хуже, когда недопьет, тогда его бывшая лагерная жизнь Ниночке и сыночку ее боком выходила — бил нещадно всем, что под руку попадало. Рычал по-звериному: «Я вас сделаю!»

Как он их «делать» собирался, они не знали, но все равно боялись и прятались на верхнем этаже у соседки, куда он заходить не спешил, так как у соседки сын — капитан милиции, и вход туда этому извергу был недоступен.

Иногда и мне, в моей барачной жизни, приходилось вздрагивать от одного его вида: сидит у окна, царапает рассохшуюся гитару и воет по-волчьи: «Заморили, суки, заморили, отобрали волюшку мою...»

Жениться на Ниночке его обязал суд, который пригрозил снова отправить его на нары по статье за изнасилование несовершеннолетней, потому что Ниночка тогда училась в девятом классе, а ему шел тридцать первый год.

После первой отсидки он по женскому роду очень уж томился, а Ниночка, как на грех, из детского дома в школу проходила мимо его окна, где он жил в том полуподвальном помещении, в котором позже придется ей горемыкать одной с ребенком на руках в наше немилостивое, сундучное время.

Насильника и дебошира наконец-то посадили теперь уже на длительный срок за участие в организованной преступной группировке, промышлявшей на дорогах, перетряхивая фуры дальнбойщиков и простых водителей с дефицитными грузами.

Срок большой у мужа, а Ниночке облегчение, передышка вышла, душой не бояться, дышать без стеснения в груди, говорить полным голосом.

Одно плохо — бескормица. Раньше хоть какие-никакие деньжонки водились, а теперь, где ж они?

Они у тех, кто по жизни вертится, работает или так по удаче живет. А у Ниночки какая удача? Она не работает, сын малой, его без глаза не оставишь...

Она и рада была бы вертеться, да не выплясывается у нее ничего. Живет на пособие по ребенку, да на случайный заработок — конверты на дому клеит для почтамта. Вот и весь навар, как бульон после варки яиц. И-ехх! Жизнь бекова — тебя бьют, а тебе некого!

В нужде и не заметила, как сын Андрюша в школу пошел. И в кого он только уродился? Все на лету схватывает. Дневник пятерками, как дипломатическая почта печатями, облеплен. Учителя не нарадуются, медалей с Олимпиад навозил, хоть крышки закатоchnые из них делай к банкам, в которых огурцы маринуют.

Вырос парень на материнских глазах да на слезах вдовьих.

Андрейкиного папашу поделельники на лесоповале бензопилой «сдела-

ли» на лангеты, а мясо собакам скормили. Так вот Ниночка вдовой и стала. Плакала больше по своей загубленной жизни, чем о муженьке. Одна о нем память — бока женские да шрамы душевные.

Плачь не плачь, а жить надо, куда денешься? Соседка сосватала ей надомную работу — конверты для почты клеить. Работа немудреная, а на хлеб, правда, без масла, заработать можно. Сиди себе дома, кромсай ножницами бумагу, делай крой, а потом лизни пару раз кисточкой с клеем, прижми ладошкой — всего и делов-то!

Бумага как железо кровельное, жесткая, плотная. А в ней письма по всему свету ласточкой разлетаются. Что еще нужно человеку? Сына Андрюшу проводит в школу, и за ножницы. Сотню-другую отнесет на почту, а там ей рублики отсчитают: покупай, родная, в мясной лавке косточек на супчик, обрезь какую-никакую на жаркое, половину кирпичика хлеба, вот тебе и обед скромный! Все как у всех.

Сначала Ниночка стыдилась в мясной лавке с подноса по самой бросовой цене подбирать косточки, какие посахаристей да обрезь, какая поспособней для жарки.

— Взвесьте, — скажет, — косточек да обрезь помясистей собачке моей. Она еще щеночек, такой ласковый...

Продавец, мясник плечистый, морда как после бани, красная, бросит небрежно на весы ошметья:

— Пять рублей! — и отвернется к другому, который вырезку просит рубликов за триста на килограмм. Вот этот — покупатель, а ты, мол, только от дела отрываешь!

Стыдится Ниночка, прячет в пакет свою покупку — и в дверь до следующего раза. Андрюша из школы вернется, а ему супчик на костном бульоне, да поджарка с макаронами. Вот и сыт малый! Ему для роста витаминки бы, да уж как-нибудь и так вырастет.

А и правда, рос Андрюша быстро. Одно плохо — одежонка быстро изнашивается. Но и тут Ниночка нашлась, что делать. Магазинычк секунд-хенд напротив барака открылся, там всякого барахла на вес продают. Подберет Андрюше самое необходимое и принесет домой. Скажет: «Вот, сынка, я тебе курточку пошила! Брючки-джинсики примерь! Ах, как ладно! Обновочка в пору подошла!»

Идет Андрюша в школу, одет, обут, как все. Товарищи в джинсах — и он в джинсах. Товарищи в курточках — и он тоже в куртке заграничной.

Пойди, разберись, где покупали?

Хороша рыночная власть — почти новые вещи выбрасывают на помойку! На днях потихоньку покопалась, покопалась да и нашла ранец кожаный для Андрюшиных учебников. Хороший ранец, век износу не будет. Дома протерла подсолнечным маслом, он и заблестел, заиграл пряжками да застежками, словно заранее знает, что Андрюшины пятерки в нем будет носить.

Хороша рыночная власть. Косточек почти задаром можно на супчик выбрать. На помойке или в секунд-хенде вещички отыскать почти совсем не ношенные. Работу на дому делать, за которую хоть небольшие, но рублики можно получить.

Не нарадуется Ниночка Теплякова на жизнь. Все-то ей везет. Косточки, если долго кипятить, хороший бульон получится. Пшеница щепоть в навар или капуста припустил, вот тебе и хлебово! Обрезь хорошенько под водой промыл — и на сковороду с лучком да с картошечкой. Ешь, не брезгуй!

Все хорошо, да что нехорошо — рядом ложится...

Освободилась Ниночка от надомной работы. На почте теперь вместо бумажных конвертов, в моде пластиковые, они гораздо удобней и технологичней.

Вот и кончились заработки, вот и пришло время сидеть сложа руки.

А так Ниночка сидеть не умеет, да и что сидней высидишь? Куда ей идти? Грамотешки почти никакой: неполное среднее образование, а теперь и с высшим-то не скоро работу найдешь. Попыталась устроиться дворником, да там на это место по десятку таджиков дожидается.

Посмотрели в управляющей компании — русская, что с нее возьмешь? И отказали. У нас, говорят, все на десять лет расписано, дворники не нужны, сами управляемся!

Вот ей снова судьба на всем ходу ножку подставила, пошатнулась Ниночка Теплякова, но упасть не упала, мир не без добрых людей. Соседка, у которой она от муженька пряталась, переехала жить в новый коттедж.

Сын, капитан милиции, при новой власти в гору пошел: авторитетными пацанами обзавелся, женился на молоденькой певичке из крутого ансамбля, деньги в кадушке из-под огурцов под прессом держал, в банк класть опасался.

Коттедж да кадушка из-под огурцов, — самое надежное дело! Реальные пацаны на разборках перестреляются, банк самоликвидируется, переправившись куда-нибудь на Канары, а коттедж всегда на месте, земле-трясений в нашей местности не ожидается, и кадушка всегда под рукой.

Коттедж в три этажа, одних комнат пятнадцать штук, туалетов пять, да зал биллиардный — где же Anne Петровне, пожилой женщине, управиться? Анна Петровна — это та соседка Ниночки Тепляковой, у которой сын капитаном милиции был, а теперь — полковник внутренней службы. Ничего не скажешь, хорошая служба, не пыльная, а к рукам капуста липнет, очень уж рука волосатая стала. Может, когда-то придет время исследовать этот феномен, но теперешние власти не любопытные, да и мы любопытничать не будем.

Певичка всегда в разъездах, и не ее это дело — туалеты чистить! Вот и позвала Анна Петровна Ниночку по дому управляться.

— Я слышала, — говорит соседка, — ты работу ищешь? Приходи ко мне в помощники! Всего и делов-то, чтобы комнаты в чистоте были и в опрятности. Стол мой вам с Андрюшенькой и рубликов несколько на карманные расходы я давать буду. Соглашайся!

А как не согласишься, когда нужда с ног валит?

— Спасибо, Анна Петровна! — сказала Ниночка, а у самой на глазах слезы.

Очень чувствительным человек становится, когда бедный. И уважительным. Глаза всегда на мокром месте и спина в поклоне.

Для Ниночки с сыночком началась новая жизнь: продукты для них уже не имели столь сакраментального значения, и от здоровой пицци Андрюша стал быстро входить в силу, возмужал. Только поначалу очень уж стеснялся садиться за чистой стол, но добрейшая Анна Петровна все поставила на свои места.

— Андрюша, — говорила она, — твоя мамка здесь работает домоуправом, и тебе стесняться нечего. Она хорошо готовит, поэтому кушай, набирайся сил, тебе учиться надо. Вот выучишься, в институт поступишь, тогда и нас с мамкой не забывай, а пока ешь, поправляйся!

Ниночка в доме Анны Петровны быстро освоилась и приживалкой

себя не чувствовала. Работа по дому ей была не в тягость, для любой женщины это, что называется, способ жизни.

Анна Петровна им комнату выделила: «Живите зиму, — сказала, — все одно комнаты пустуют! Зачем вам в подвале ютиться да за газовое отопление деньги отваливать? У нас места хватит. Мой Егорка (это она так сына, полковника, Егоркой называет) дома совсем не живет, все в Москве да в Питере обитает! В депутаты готовится. Я, говорит, мамка, скоро большим человеком буду, меня тогда рукой не достанешь. Куда ж ему больше расти, он и так под самый потолок! Ему бы жениться на порядочной женщине, а не на этой, прости господи, трясогузке. Она скачет, где хочет, и с ладони кормится, кто покормит. Говорю сыну: «Для кого ты жену взял?» А он смеется: «Так надо — говорит. — Для меня такая жена, как орден на груди. Билет в депутатское кресло. Она при самом президенте в «Народном фронте» состоит. Авторитет!»

Поцокает горестно языком Анна Петровна и уйдет к себе в комнату телевизор плазменный во всю стенку смотреть, а Ниночка постоит, постоит с тряпкой в руках и задумается о чем-то.

Стала Ниночка постепенно чувствовать в себе женскую силу, одежку справил, если не совсем по моде, то достаточно приличную, чтобы на люди показаться. Соберется погулять куда-нибудь пойти, встанет перед зеркалом, губки помадой подкрасит, глазки подведет карандашиком косметическим — вот и снова баба-ягодка!

Ай, как бы сын не захватил! Послунит палец, погасит косметику и боязливо на дверь покосится. Скоро Андрюша из школы должен вернуться. Нехорошо! Сын школу кончает, а она красоту наводит, в девочку играет. Нехорошо!

И стухнет вся.

День за днем, за осенью зима, время быстро катится, вот Андрюша и закончил школу. Медалист. Бабу Ягу, то есть ЕГЭ, на сто баллов до косточек раздел. Теперь ему все дороги открыты, все вузы, все университеты с академиями его с распростертыми руками ждут: «Заходи, не стесняйся! Ломоносов тоже из простолюдинов, а вон какие высоты достал, до самых звезд дотянулся!»

Недолго думая, послал Андрюша документы в самый что ни на есть главный вуз страны — Московский университет. Оттуда ответили, что умные знатоки им очень нужны, приезжай и внедряйся в науку, а то без таких способных Россия совсем захирела, гвозди разучилась делать, все на Запад да на Восток с завистью посматривает, где знания во главе угла в государствах стоят и доктора наук дворниками по совместительству не работают, чтобы в семье хлеб с маслом был.

Собирали Андрюшу в Москву вместе с Анной Петровной. Кое-какие деньжонки Ниночка сама набрала, кое-какие добрая Анна Петровна потихоньку в сумку с вещами Андрюши сунула, сам бы он никогда не взял, гордым вырос, независимым. «Все сам возьму!» — сказал он, уезжая, и только рукой отмахнул с подножки поезда.

Сквознячком подуло на Ниночку, опустело в душе уютное гнездышко, где сыночек ее ненаглядный обитал. Стихло все. Только память кружится и кружится, как вспугнутая птица, возле одной мысли: как там ее Андрюшенька в большом городе живет на стипендию крохотную да на своем характере крутом?

А вдруг и письмо пришло. Молодой студент пишет, что Москва — город большой, места всем хватит. Тут каждый норовит кусок, который по-

слаще, себе урвать. Кто работает, а кто из казны ворует. Каждому — свое! Вот и он устроился дворником в одно жилищное товарищество на целых тридцать тысяч рублей. Ты, мама, таких денег за всю жизнь не видела. Работа хоть и пыльная, но легкая. Встал утречком пораньше, помахал метлой, собрал пакеты да бутылки пластиковые — и ты свободен. Занятия в университете во вторую смену, так что времени ему не занимать. Учеба легкая, можно ходить через день, это не школа. Никто за посещение лекций не ругает. Хочешь — учишь, хочешь — баклуши бей. Твои знания нужны только тебе самому. Государство в систему образования не вмешивается — рынок! Хочешь себя подороже продать, учишь. Вот и он на лекциях всегда каждое слово профессоров-преподавателей ловит, конспектирует. Потом в библиотеку, потом в общежитие спать. Вот получит первую получку, сразу купит электронный планшетник, компьютер такой, его можно в кармане носить. В нем любая книга в памяти забита, тогда и в библиотеку ходить не надо. Вся библиотека в этом планшетнике находится. Времени на сон будет более чем достаточно. Вот уж отосплюсь! Так что, мамочка, не беспокойся, у меня денег будет столько, сколько ты никогда не сосчитаешь. Приеду на каникулы, вот тогда все подробно и расскажу, а теперь я спать пойду. Мои товарищи по комнате деньгами, как грязью, швыряются, по ночным клубам да по ресторанам шляются, меня не раз приглашали, а я все отказываюсь, про свою материальную несостоятельность молчу, стыдно. Когда получу высшее образование, тогда посмотрим...

Прочитала Ниночка это письмо и расплакалась. Представила своего Андрюшу с метлой ранним утром, когда его товарищи только с гулянок возвращаются, веселые и сытые. Заныло уязвленное сердце, да ничего поделывать нельзя. Она бы и рада сынку помочь, да нечем, кроме материнских советов. А советы в карман не положишь...

Стала Ниночка деньжонки для сына копить-собирать, копейку к копейке, рубль к рублю прислонит — вот уже и в кармане звенит. Что ей надо? Кусок у Анны Петровны завсегда с маслом, завсегда — садись и ешь.

За зиму собрала Ниночка ни много ни мало денег, но столько, что как раз хватит на билет до Москвы и обратно.

Посмотрю, как мой Андрюшенька живет, решила она. Зимние каникулы прошли, а он приехать не смог, писал, что экстерном сдает экзамены за первый курс и за первую сессию второго курса. «Теперь, мамка, я летом буду сдавать экзамены за второй курс — написал он в письме. — Летом обязательно приеду!»

Но сердце у матери — вещун; знала Ниночка, что и летом ей с сыночком не повидаться. Что это за Москва такая? Как мешок с семечками. Кто туда нырнул, назад не ворочается. Половина поселка в Москву перебралась. Вот и Ниночкины знакомые все там. Кто сгинул в бетонных подвалах, кто наркотиками прирабатывает, кто в проститутки подался. Эти самые счастливые. Нарядными, как куколки «Барби», в поселок на иномарках выхвальный приезжают. От своих парней нос воротят. «Отвали, лузер гребаный! — скажет такая своему бывшему жениху. — Ты — лох, лохом и останешься, а моя ночь на сто баксов тянет. Плати «зелень», и я твоя!»

Такие вот теперь невесты у нас! Плати «зелень»...

Страшно становится Ниночке: а вдруг и Андрюшеньке такая, какая подолом мокрым подмахнет! Надо ехать, посмотреть на его жизнь студенческую.

Собрала что повкуснее, сама принарядилась. А то как же она к сыночку нищенкой зайвится? У Андриюшиных дружков родители, видать, богатые, денег, видать, как сору, а у нее каждый рублик свою цену знает. Ох, ох, ох! Жизнь наша бекова!..

Поезд на Москву отходит вечером, в самый раз — ночь колесами на стыках простучит, и вот она — столица, где на сто лиц ни одного знакомого.

Адрес Ниночка в кулаке держит да из головы старается не выпустить. Зимний день короче ее полушубка, не успеешь головы поднять, уже вечер на носу. Ей бы на такси, — и заботы никакой, да где же такую уймащину денег взять? Вот она в метро на скамеечку и присела, маршруты по Москве изучает, как ей нужную станцию не пропустить. Электропоезда в подземных лабиринтах сквозняком мчатся, ждаты не станут.

Втиснулась она в один такой шумливый, и швырнуло ее прямо на ту станцию, от которой ей автобусом ехать и ехать еще. Андриюшенька точно написал весь маршрут от вокзала до самого общежития.

Ей бы сообщить сыну, когда она вздумает к нему приехать, он бы ее и встретил, и не кружить бы ей по Москве с чужим народом. Узелок у нее в руках хоть и небольшой, а в дороге и он помеха, — смотрит, куда бы его пристроить, чтобы руки освободить. А рядом все места заняты. Покрутила она головой в разные стороны, да и осталась стоять на своем месте.

— Гражданка! — говорит кто-то рядом. — Садитесь на мое место, мне все равно скоро выходить.

Обернулась она на голос приветливый, видит, мужчина сидит, не старый еще, может, ровесник ей или годков чуть поболее, но все равно видный такой и в очках золотой оправы. Точно, она сразу угадала, что это золото, хотя никогда в руках золотых украшений не держала. Уж очень свет праздничный от них шел, словно от свечей пасхальных, на которые она смотрела, когда молилась в храме за судьбу Андриюшину.

— Женщина, — снова сказал сосед, — вам на какой остановке сходить?

Ниночку словно кто по щеке погладил, такой голос бархатистый и приветливый, что сладко застонало не привыкшее к мужской ласке и зачерствевшее в житейских заботах сердечко. Она и остановку свою сразу забыла, словно из головы выдуло. Замешкавшись, посмотрела в бумажку:

— Перелешино, — смущенно сказала она.

— Это вам еще ехать да ехать!

Мужчина усадил ее на свое место, а сам остался стоять рядом, придерживаясь за поручень. Автобус слегка покачивало и нога мужчины каждый раз, прикасаясь к Ниночкиному колену, вызывала в ней жаркий, уже почти забытый прилив чувств, от которых она зарделась вся, как школьница.

Чтобы отогнать от себя нескромные мысли, она отвернулась к окну, где громоздились, заслоняя друг друга, каменные серые здания с горящими в вечерних сумерках огромными окнами на нижних этажах. Магазины, банки, конторы. Все кричало, выхвалялось, настойчиво, назойливо лезло в глаза: «Возьми меня! Возьми! Возьми или прогадаешь!»

И Ниночка почувствовала себя такой ненужной, такой мелкой, такой бедной и ущербной в этом мире крикливого бахвальства, что от жалости к самой себе сжалось ее бедное сердечко, и стыдно ей стало в этом обогретом автобусе перед людьми, особенно перед этим внимательным женщиной, который только что уступил ей место: незаконная она здесь, малень-

кая, как пылинка на белом отутюженном костюме, приготовленном к праздничному выходу.

Вспоминая свою бедность и наготу жизни, она машинально сунула руку за пазуху, где между двумя, еще не совсем обмякшими всхолмиками, уляжисто, в телесном тепле, перевязанные носовым батистовым платочком, покоились ее кровные деньги.

Она сразу еще и не поняла, не поверила, что там ничего нет. Испуганно просунула глубже руку — пусто! А как же сыночек? Андрюшенька? Деньги ему собирала!

Чувство опустошения, гибели чего-то такого, без которого невозможно жить, опрокинуло ее навзничь. Огромный, с десятком миллионов жителей город, — и все чужие, и, как показалось ей, враждебно глядящие на нее из больших, празднично светящихся окон. Огромный, хищный, гигантский зверь, оцетинившись высотными зданиями, разинув вонючую пасть, бросился на нее и придавил своим костистым телом.

Она потеряла сознание.

Еще не понимая, что с ней случилось, Ниночка открыла глаза с горьким чувством потери чего-то большого, огромного, что составляло всю ее сущность.

«Андрюшенька! — вскрикнула она, но из губ только выпростался слабый стон. — Андрюшенька, я же тебе деньги...»

— Женщина, вам плохо? — участливо спрашивал ее мужчина, тот, что в золотых очках.

Автобус тихо урчал, как раздобревший на лежанке кот.

— Перелешино, Перелешино, — раздавалось со всех сторон. Перелешино. Автобус стоял, выпуская из открытых дверей нетерпеливых пассажиров.

— Женщина, ваша остановка! — мужчина в золотых очках, взяв под руку Ниночку, осторожно вывел ее на улицу.

На свежем воздухе ей стало лучше, и она, в полной мере осознав свое положение, горько расплакалась, по-детски уткнувшись мужчине в плечо. Перед ней отчетливо и резко нарисовалась вся ее жизнь — такая нескладная, убогая, неприглядная здесь, на шумном, ярком, как ей казалось, чужом празднике вечной молодости.

— Ну-ну, успокойтесь. Что с вами? — мужчина поправил ей на голове платок, заботливо заглядывая в глаза. — Вот мы и приехали!

Ни один мужчина в жизни с ней так не разговаривал. Она с первого момента, еще там, в автобусе, почувствовала к нему такую близость, что теперь, плача и по-детски размазывая ладонью слезы, поведала ему все, чем жила на этом свете — и свое имя, и про свое сиротство, и про бандита-мужа, и про ненаглядного Андрюшеньку-студента, и про свои сбережения для сына, которые она потеряла или удачливые люди вытащили их прямо из-под ее носа.

— Что же теперь делать будем, Нина? — спросил мужчина, отставив правую ногу как-то небрежно вывернутым носком в сторону. — Студенческого общежития уже давно нет, его городские власти превратили в шикарный отель для туристов. Вон как его огни полыхают! Студентов выселили. От них дохода никакого, только морока одна. И где теперь наш студент, кто ж его знает? О том в университете на кафедре известно, но поздно уже. Эти дела надо с утра делать, — здраво рассудил удивительный попутчик, придерживая растерянную Ниночку за рукав.

— Я? Я? А как же я? У меня в Москве ни одного знакомого! Куда ж теперь? — и Ниночка заплакала еще горше.

— Ну, это дело поправимо! У меня соседка одна в трехкомнатной квартире живет. Скучно ей. Она с радостью тебя на одну ночь пустит. Да и я теперь один бобылем живу. Жена в больнице операцию ждет. Если будет удобно, то и у меня можно переночевать. А сына завтра в университете найдете. Там на кафедре скажут. Пойдемте, поздно уже...

Уверенный, спокойный голос нового знакомого вселил в бедное сердце женщины надежду, что все будет хорошо. Сама виновата. Надо бы Андриюшеньку заранее предупредить, теперь не надоедала бы чужим людям.

— Я не знаю, чем вас отблагодарить. Правду говорят, что мир не без добрых людей. Спасибо вам!

— Пустяки! — смутился мужчина. — Павел я! Павел Петрович Шапошников. Паша. Меня бойцы в армии ППШа звали. Знаете, автомат в Отечественную войну такой был. С круглым диском — «ППШа». Я бывший майор Советской Армии. В Афганистане ногу потерял. Теперь на пенсии. Живу вот... — Мужчина, этот, Павел Петрович, неопределенно развел руками. По всему было видно, что он хочет упростить знакомство с растерявшейся в огромном городе женщиной. — Паша я. ППШа, одним словом.

— Ой! — вскрикнула Ниночка. — Как же вы мне место уступили, Павел Петрович? Тяжело стоять так вот.

Ниночка боялась произнести слово «хромоту». Вроде как боялась обидеть своего неожиданного знакомого. Да и с виду сразу не скажешь, что бывший военный без ноги: стоит, переминается — привык, видать.

Ниночка так доверилась незнакомому человеку, его спокойным рассудительным словам, что смело пошла за ним по широкой припорошенной снегом улице, боясь отстать и потерять его из виду. Рядом шли, толкались, спешили люди, и у каждого была своя крыша и свое место в этом огромном человеческом муравейнике. Сердце Ниночки потерянно сжалось, такой она себе показалась несчастной и покинутой, что слезы непроизвольно скатывались по ее щекам, и она совсем не чувствовала их.

Попутчик нет-нет да и поглядывал в ее сторону, всячески ободряя приветливым взглядом.

Ниночка, как бы не поскользнуться, семенила следом, стараясь не думать о предстоящем ночлеге. В одной руке у нее был пластиковый пакет с домашними гостинцами, а другой рукой она придерживала воротник своей куртки, загораживаясь от стылого февральского ветра, в котором, казалось, сосредоточилась вся стылость уходящей зимы.

— А вот мы и дома! — остановился новый знакомый возле высотного, с горящими окнами, дома.

Из-за этих высоких горящих окон казалось, что это и не дом вовсе, а вагоны поезда, уходящего в бесконечную тьму ночи.

Мужчина набрал на светящемся табло несколько цифр, нажал кнопку, и после певучего сигнала дверь гостеприимно открылась.

Внутри было тепло и уютно.

Ниночку поразила чистота и обилие света. В том полуподвальном помещении, где она проживала до того, как перешла к добрейшей Анне Петровне, коридор был заставлен до самого потолка всевозможными вещами, этим вечным хламом коммунальных барачных, от которых, кажется, избавиться было невозможно. В тесных мрачных каморках, лиш-

него места всегда не было, и всякая вещь, не нужная в данный момент, выносилась в коридор, высвобождая жизненное пространство. А здесь сколько пустует свободного места!

Оглядываясь вокруг, Ниночка на мгновение совсем забыла, зачем она здесь и что ей здесь надо?

Павел Петрович потянул замешкавшуюся женщину за рукав к распахнутому лифту:

— Все будет хорошо! Пойдем!

Ниночке еще никогда не приходилось подниматься на лифте. Она произвольно ойкнула, когда двери, лязгнув железом, закрылись, и, мигнув светом, кабина устремилась вверх.

Здесь, в теснине, очутившись одна, Ниночка почувствовала себя так, словно впустила к себе в комнату незнакомого мужчину и теперь она стоит близко, лицом к лицу с ним, совсем обнаженной.

Краска залила ее всю до самых пяток, и она только облегченно вздохнула, когда дверь распахнулась, и они оказались на двадцать пятом этаже, судя по горящему красным светом номеру на планшетном табло в лифте.

2

Павел Петрович Шапошников был человеком своего времени, то есть, советским человеком. Таких обычно вездесущие граждане мира презрительно называют совками. Мол, что с него? Он же совок! Чужого присвоить не может, на Серп и Молот, как на икону смотрит, Красный флаг для него — вроде небесного покрывала. Под сенью этого флага он под пули себя подставлял, патриот сраный! А теперь вот, колченогий, топчет землю, которая ему как рыбе зонтик. Зачем ему такая земля, где каждая пядь — кладезь с самоцветами? Он все равно таким добром распорядиться не сможет — или пропьет, или потеряет. Как, он разве не пьет?! Ну, тогда точно потеряет. Ему только душу стяжать, а не богатство. А у нас, граждан мира, во главе угла сундук должен стоять, потому как в том сундуке заяц, а в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце том иголка спрятана, а на конце иголки золоченой никто знать не должен что...

Родился Паша Шапошников как раз в тот год, когда Советская страна, Союз тот народов разных, из мозолистых ладоней в самый что ни на есть настоящий космос Юрия Гагарина выпустил, как Ной того голубя, что вернулся в ковчег с оливковой ветвью.

Вот кто гражданин мира, смоленский парень Юра Гагарин, а не вы, презренные сребролюбцы! Но оставим это соображение истории...

Страна, которая не так давно очистила землю от фашистской скверны, теперь, умыв руки, занялась вплотную своим домом. Возводились плотины, строились железные дороги, кузнечным громом оглашали городские окраины новые заводы. Павел Шапошников гордо носил красный галстук пионера, отдавая салют каждому новому дню. Радостно, весело жить и учиться в такое время! Расти и мужай, Павел Шапошников, гражданин страны своей огромной, державы непобедимой и могучей!

Возмужал и вырос.

И теперь вот капитан Шапошников (майора он получил уже после ранения), капитан Шапошников, офицер Советской Армии, с ротой автоматчиков, залегшей за лобастыми горячими камнями, отбивает бесчисленные атаки живучих и злых, как скорпионы, духов гор, душманов,

борющихся за свою веру и семейный очаг. Они тоже росли и мужали в одно время с пионером и комсомольцем Пашей Шапошниковым и тоже гордились своей страной, древней, как те горячие камни, за которыми укрылись с голыми, женоподобными лицами, странные шурави, молчаливо умирающие за чужую землю, за эти безжизненные камни Небесного Гиндукуша.

Зло и дробно стучит пулемет, всаживая горячие голыши в лобастые камни, еще помнящие сотворение мира. Со всех сторон пулемету наперебой тарахтят русские «калаши», выпуская из узких стальных нор сотни летучих ос, каждая из которых может стиснуть жизненное пространство человека до размера своего жала.

«Не спешить! Не спешить! Берегите боекомплект!» — умоляет про себя своих бойцов Шапошников, словно рота может услышать командира в огневой горячке боя, когда работает только инстинкт, а не здравый смысл. Но инстинкт ошибается только раз, поэтому выстрелы были короткими очередями: «Тра-тата! Тра-тата! Не бойсь, командир! Патронов хватит на всех духов!» Хорохорится рота. Они долго ждали в засаде караван с Пенджаба, караван, груженный героином, анашой и боеприпасами для повстанцев.

Капитан Шапошников одиночными выстрелами бьет только туда, где верткие, бородатые, в бабьих рубахах моджахеды прилаживают короткую трубу миномета. Капитан знает: если духам удастся сделать один навесной выстрел, многим придется отправлять на родину в «черном тюльпане» на слезный вопль и безутешное горе матерей. А он, офицер, обязан выполнить задание и вернуть роту в расположение части в целостности и сохранности. Вот и лежит он теперь за валуном и делится в бородатое лицо человека, вроде это и не человек вовсе, а тряпичная кукла. Вот, всплеснув руками, кукла повалилась навзничь, а на смену этой кукле уже поспешила другая, кинув в широкую трубу чугунную еловую шишку, которая тут же, жажнув по ушным перепонкам, взвыла где-то над головой и рассыпалась сухим треском по камням. «Только бы ребят не зацепило!» — успел подумать про себя капитан, как железный раскаленный лом воткнулся ему прямо в коленную чашечку.

«Бей по миномету! По миномету!» — кричал неизвестно кому капитан, пока резкая боль не повергла его в шоковое состояние.

Конца боя ему увидеть не пришлось, очнулся он только в гремучем чреве вертолета, когда сержант медслужбы воткнул ему прямо сквозь ткань брюк шприц тубика с противоболевым средством, синтетический наркотик вытащил его из провального колодца.

Первое, что он увидел, приподняв голову, это его набухшая черной липкой жидкостью штанина и безжизненно вывернутый армейский ботинок из прочной, бычьей кожи.

— Как ребята? — спросил капитан, но голос его был настолько слаб, что с губ сорвался только невнятный шепот.

В этом громыхающем и грозном рыке несущих винтов заботу командира о своих бойцах вряд ли кто мог услышать, но сержант медслужбы весело оскалил зубы и сунул в губы капитану дымящуюся сигарету:

— Все путем, товарищ капитан!

После горячки боя для бойца нет ничего слаще полной затяжки: лучшего успокоительного средства не бывает.

Капитан пару раз втянул в себя сладковатый запах ментола: сержан-

ту из Союза недавно прислали несколько блоков дефицитных сигарет, и теперь тот с радостью поспешил поделиться со своим командиром.

— Все путем, товарищ капитан! В госпитале ногу отчищают и все дела!

Но капитан уже больше не мог слышать столь оптимистическую для него перспективу, он снова опустился в непроглядную тьму колодца.

В военном госпитале душного и жаркого Душанбе, вопреки необдуманному обещанию того сержанта медслужбы, капитану Советской Армии Шапошникову ногу не «отчищали». Опытный хирург, через руки которого каждый день проходили такие вот перепаханые войной солдаты, из осколков коленного сустава осторожно, как собирают дорогую, китайского фарфора чашку, собрал раздробленное колено, сохранив молодому офицеру ногу.

«Ничего, девок на всех хватит», — говорил доктор, вспарывая большими ножницами гипсовый короб на ноге капитана, когда тот умолял хирурга сделать так, чтобы нога могла сгибаться: как же он зайвится домой в таком виде. «У меня там девушка осталась...»

Действительно, уволившись по ранению из армии, Павел Шапошников недостатка в женском внимании не ощущал. Хотя та его деревенская невеста, пока он отлеживался по госпиталям, удачно выскочила замуж за агронома, оставив ему короткое письмецо: «Прости. Зачем старое ворошить? Я «другова» полюбила!»

Павел только зубами скрипнул, выкурил в госпитальном туалете подряд пару сигарет — и все! Теперь и он свободен от всяких обещаний. Вольному — воля!

Ту девушку из далекого тамбовского села Митрополье звали Катей.

«Катя, Катя, Катерина, ты, как бабкина перина!» — донимали ее за пышные достоинства одноклассники, которым курсанту военного училища приходилось не раз доказывать правоту мужского кулака.

Катерина была на пять лет моложе Паши Шапошникова, и когда он оканчивал училище, она только перешла в выпускной класс.

Несмотря на свою молодость, Катерина была как раз, чтобы brave курсант мог предложить ей свою верную дружбу в летние короткие каникулы.

Дружба эта постепенно переросла в любовь по переписке, так как воинский устав и служба в десантных войсках не предполагает лирические отступления и длительные совместные вздохи под лунным и просто ночным небом.

Быстрота и боевой натиск могли бы оформить их отношения, но молодой десантник все никак не мог выйти из затяжного прыжка, хотя не раз готов был дернуть за спасательное кольцо, да все откладывал на потом.

Если не считать коротких, как автоматная очередь, холостых выстрелов в темных подъездах с простыми курсантскими «лярвами», Катерина была первой и единственной девушкой Павла.

В далекой гарнизонах южных республик, где после училища пришлось служить Шапошникову, легче повстречаться с рогатым архаром, занесенным в Красную книгу, чем с существом в юбке, поэтому в длинных письмах Павел был особенно нежен и подавал большие надежды Катерине, которая теперь училась на детского воспитателя в педагогическом училище.

Несмотря на надежды Катерины, о женитьбе офицер Советской Армии Шапошников в то время и думать не мог из-за неустроенности быта

и суровых климатических условий, когда на сотни километров песок да солончаки с бесчисленными стадами сайгаков — быстроногих местных антилоп.

Офицер Шапошников все ждал перевода в центральную часть страны, где условия более подходящие для молодой семейной жизни, но дождался десантирования в пригород Кабула, там уже шли кратковременные, но кровавые стычки с душманами, злыми и беспощадными, как острие пенджабского ножа в руках разбойника.

Служба есть служба. Редкие, но результативные боевые столкновения выковали из мягкого в общении лейтенанта мужественного командира роты. Здесь за опасную службу звездочки на погонах менялись быстро, да и денежное довольствие было несравненно более высоким, чем в Союзе.

Служи, капитан, генералом будешь!

Но до генерала Шапошников так и не дослужился. Майора он получил уже при увольнении на гражданку по ранению.

Хотя и обещали госпитальные доктора поставить молодого десантника на обе ноги, но что-то у них не получилось, не срослось что-то. После того, как с изувеченной ноги сняли гипс, еще не совсем зажившая рана открылась вновь, и Павла решено было отправить в московский госпиталь, где его нога будет «как новая».

Столичные светила от медицины начали с того, что снова вскрыли колленную чашечку, поменяли местами осколки, и действительно, нога была как новая. То есть, совсем новая: сгибаться не сгибалась, стала немного короче и на два размера уменьшилась в стопе. Усохла, что ли. Но отпустили боли. Только нет-нет да и замозжит, занедужит к непогоде его вторая точка опоры, зато теперь барометр без надобности.

Как говорится, не было бы радости, да несчастье помогло. Молоденькая медсестра, только что окончившая медицинское училище, так привязалась к своему подопечному, что выписывался из госпиталя Паша Шапошников уже Павлом Петровичем со штампом в военном билете, говорящим, что его обладатель теперь вполне счастливый семейный человек.

Медицинская сестра Леночка была настолько внимательна к боевому парню, что неожиданно оказалась беременной. Увлек ее бравый десантник, околдовал своей могучей силой и вниманием. Герой войны, пусть и непризнанной, но настоящей, так увлекательно рассказывал о подвигах своей роты, оставшейся там, за Гиндукушем, что недавняя выпускница полностью доверилась своему подопечному. Раненая нога — что, пустяк! Для совместной жизни совсем не помеха, а даже подспорье. Военная пенсия и послужные увольнительные деньги вполне обеспечивали молодой семье прожиточный минимум, пока Павел Петрович улаживал свои дела на гражданке и привыкал к новой жизни.

Отставной майор да еще инвалид боевых действий без особых помех прописался в столице у своих дальних родственников и снял квартиру в самом центре города. Квартира дорогая, но Леночке близко до работы, да и Павлу Петровичу — тоже рядом. Пока бывший десантник валялся по госпиталям и наедал сало, как говорили его однополчане, страна закончила ограниченную по возможностям войну и в одночасье распалась. Защитники своего Отечества стали обузой для государства и были вынуждены самоорганизовываться. Так появилось общество ветеранов Афганской войны, где отставной майор Шапошников играл не последнюю скрипку. Надо было как-то выживать в этом хаотичном мире.

Пользуясь знаниями, полученными в училище, жизненным опытом, льготами, хотя и призрачными, но необходимыми в данный момент, Павел Петрович на паях с друзьями организовал «общество с ограниченной ответственностью» по обеспечению юридических услуг. Услуги были разными, но все они приносили прибыль.

Особенно доходным был частный розыск или детективные негласные расследования. Слежка за молодыми женами нуворишей, выбравшихся недавно из зон, была тотальной. Но и платили хорошо.

Провинившихся певчих птичек, в прямом смысле, следуя воровским понятиям, закатывали в асфальт, так что работа эта была не совсем безопасной. Но людей, не так давно вышедших из боя, напугать было трудно, и бизнес рос.

Жизнь постепенно налаживалась. Из съемной квартиры Павел Петрович с молодой женой и годовалым сыном Колькой перебрался в просторную квартиру на две комнаты. Помогли нужные люди в управе и общество ветеранов боевых действий в афганской войне.

Колька рос, поэтому Леночке пришлось уволиться из госпиталя и полностью заняться сыном.

Детские сады и ясли новая власть быстренько переделала в сауны и другие увеселительные заведения для тех, кому за тридцать, — решительных и состоятельных людей. К таким можно было бы отнести и Павла Петровича, но он на эти дешевые штучки не покупался, довольствуясь только работой да своей семьей. Старые боевые товарищи подшучивали над ним, считали его подкаблучником и вынужденным импотентом.

Однажды как-то, смеха ради, пригласили к нему на день рождения девочку по вызову из соседней сауны, так он после долгого с ней собеседования в своем кабинете и при открытых дверях оставил ее работать курьером. Девочка, хоть и была недавней школьницей, быстро освоилась на новом месте и даже поступила на курсы английского языка с перспективой дальнейшего роста.

Жизнь продолжалась...

Если бы не ночные кошмары и длительные головные боли, — последствия давней контузии, — Павел Петрович лучшей для себя доли и не желал бы. Колька вырос, окончил, как и его отец, Рязанское десантное училище, стал офицером и теперь проходил службу на Дальнем Востоке, к родителям заезжал только один раз, проездом, за новым пополнением новобранцев, отпуска еще не заслужил. Пощелкал каблуками, повертелся у зеркала и выпорхнул из дома ласточкой. Даже налюбоваться на него не успели.

Жена Павла Петровича из Леночки превратилась в домовитую Елену Ивановну. Правда, немного погрузневшую, но все равно в семейном кругу и Павел Петрович, и все знакомые звали ее Еленой Прекрасной. С мужем она была ласковой и обходительной, с другими — спокойной и рассудительной. Она славилась среди знакомых ровным и редким для нынешних женщин нравом, была хорошим собеседником и терпеливым слушателем.

Век бы им жить рука в руке, да только жизнью правит один хозяин — случай.

Павлу Петровичу из-за ранения в ногу водить машину было затруднительно, потому все поездки делились на необходимые и не очень. Для необходимых поездок по работе Павел Петрович имел личного водителя, а поездки по хозяйству всегда делала Леночка. Она очень здорово водила машину по улицам Москвы, всегда загруженным и напряженным.

Все бы хорошо, да длительное стояние в пробках Леночка не выносила, и обычно для нее находилась возможность увернуться от столкновения со встречной машиной и какими-то, одной ей ведомыми дворами, выскочить на боковую улицу, где движение не столь тупиковое.

В одной из таких поездок ангел-хранитель на миг сморгнул, и встречный самосвал, груженный щебнем, решил испытать прочность подушки безопасности наглой иномарки, которая осмелилась вынырнуть откуда-то прямо перед его носом.

Характерный скрежет металла, от которого крошатся не только зубы, но и кости, заставил Леночку, нет, теперь уже несчастную пациентку больницы Елену Ивановну, женщину сорока с небольшим лет, мечтать о чудесном прошлом, когда все члены тела подчинялись ей только по одному движению мысли.

Нет ничего страшнее перелома позвоночника, который делит жизнь на «до» и «после».

Как врачи ни старались, как ни штопали и как ни чинили то, что было Леночкой, ничего у них не получалось. За пациенткой Шапошниковой Еленой Ивановной теперь нужен был длительный уход и постоянное наблюдение врачей. Вся жизнь Павла Петровича стала подчиняться только больничному распорядку знаменитой Склифосовки.

«Глупо, глупо все! Кошмар беспробудного сна... Этого не может быть! Потому что не может быть никогда! Его такая веселая, такая... такая Леночка, и вдруг — совершенная беспомощность! Господи, как это могло случиться? Как?» — мучил себя вопросами бывший десантник, выдавший смерть так близко, что ее дыхание раньше времени опалило его голову, превратив широкий зачес в заиндевелый куст осенней травы.

Снова, как в знойном Афгане, его сердце превратилось в пульсирующий сгусток крови, в нервный узел, в теснине которого жила его сущность в ожидании главного удара, последнего и страшного.

За его женой нужен был постоянный уход, а сиделку, даже за хорошие деньги, в Москве найти трудно. Вначале он неотступно был при супруге, но в женской палате это оказалось не совсем удобным.

Его постоянное присутствие, его безутешная скорбь и мягкое, любовное отношение к жене раздражало лежащих рядом в одной палате женщин, которым, вероятно, в жизни не досталось такого внимания, и они стали высказывать главному врачу свои претензии.

Неожиданное несчастье вдруг превратило всегда серьезного и жесткого десантника в жалостливого и незлобивого человека, готового при первой необходимости прийти другому на помощь. Вот она, вечная христианская истина — в страдании человек обретает себя!

И теперь, возвращаясь из больницы, он случайно, рассеянным взглядом посмотрел на усталую и раздавленную городом женщину, и вдруг ему стало жалко ее, так жалко, как будто это была его родная сестра, хотя сестер у Павла Петровича и не было.

— Маргарита Борисовна, — позвонил он соседке, — я к вам гостью привел. Ей переночевать негде. Она в Москве сына ищет, студента. Время позднее, может, пустите на ночлег? У меня, сами знаете, неудобно...

— Паша, — Маргарита Борисовна посмотрела на стоящую за его спиной женщину, — Павел Петрович, у меня племянник с семьей из деревни

гостит. Я бы рада, — соседка с извиняющей улыбкой снова посмотрела на смутившуюся до невозможности неожиданную гостью, потом на Павла Петровича, — я бы рада... — Маргарита Борисовна развела руками.

— Знаете что? — сказал тот, решительно обернувшись к Ниночке. — Плюньте на условности! У меня две свободных комнаты, можете у меня переночевать. Мы же взрослые люди! Жена у меня в больнице... — Павел Петрович смахнул невидимую соринку с глаза. — Пойдемте ко мне.

— Паша, Леночка как? — спросила соседка.

— А-а!.. — неопределенно проронил Павел Петрович и повернулся открывать свою дверь.

Ключ никак не попадал в замок. Было видно, как у Павла Петровича дрожат руки. Наконец щелкнула задвижка, и дверь открылась.

В мягком электрическом свете ступившая за порог Ниночка растерялась до такой степени, что хотела было снова прошмыгнуть в полуоткрытую дверь назад, но Павел Петрович резким движением закрыл за ней дверь и предложил раздеться:

— Ну, что ты, как, ей-богу, девочка! Раздевайся! Вот шкаф, можно повесить куртку туда, или лучше — я сам! — Павел Петрович взял из рук вконец оробевшей женщины шарф и куртку из дешевой синтетики и повесил на свободное место. — Вот мы и дома! Пойдем на кухню ужинать, я что-нибудь сейчас сварганю!

Его по-домашнему спокойный голос придал Ниночке смелость: она сняла в прихожей сапоги и пошла за хозяином на кухню, сверкающую никелем электрических приспособлений для приготовления пищи, и такую большую и просторную, что вся ее полуподвальная квартира, в которой она проживала раньше, а, кажется, и не жила вовсе, только прозябала, уместилась бы на одном ее пятачке.

Ниночка всегда терялась в окружении изящных и дорогих предметов, которые были недоступны ее воображению и кошельку. Она никогда не заходила в дорогие магазины и зазывные, кричащие бутики. Ей всегда казалось, что она одним своим видом вносит дисгармонию в красивый порядок вещей, в их изящную структуру, — непозволительно трогать руками предметы, которые она не может из-за скудности быта приобрести.

Ниночка тихой мышкой присела на краешек дивана, боясь прикоснуться к чему-либо, даже дышащие притаила и вся превратилась в ничего не значащую точку, запятую, нет, — кляксу на чистом листе бумаги: так ей самой казалось.

Павел Петрович возился возле плиты, на которой что-то сытно скворчало, возбуждая у проголодавшейся Ниночки невероятный аппетит.

Со спины хозяин дома казался ей таким уютным, что гостья забыла свою непричастность ко всему, что ее здесь окружало. Захотелось приподняться с дивана, на цыпочках подойти к хозяину дома и потихоньку, ласковой кошечкой потереться щекой о его свитер.

Не было бы для нее выше счастья...

Отгоняя от себя нескромные мысли, Ниночка еще глубже вжалась в диван, стараясь ничем не обнаружить свое присутствие.

Павел Петрович вроде совсем забыл о ней и молча продолжал колдовать у плиты, было видно, что это занятие для него более привычное, чем занимать разговором малознакомую женщину, которой он из-за жалости предоставил ночлег.

Теперь все его мысли были сосредоточены там, в больничной палате, где лежала, мучаясь неподвижностью, его жена.

Отчаянье притупилося. Осталась одна сплошная боль, что все его усилия и деньги, которые он расходовывал в разные руки, жадные и не очень, не помогают подняться его жене.

В клинике она лежит уже больше года, но подвижек никаких не видно. Кости срастаются плохо, может, из-за низкой профессиональности лечащих врачей, а, может, из-за не совсем молодого возраста пациентки.

И то, и другое имело место. Деньги были здесь совсем ни при чем. Сколько бы Павел Петрович не давал в лапы многочисленным эскулапам, результат один — здоровье жены не прибавлялось.

Пришлось подыскивать для нее сиделку, что в Москве сделать не совсем просто. Нашлась одна такая из подмосковного села с говорящим названием Колыбелька, женщина преклонных лет, услужливая и добрая сердцем, каких в современной России и днем с огнем отыскать не так-то просто. А вот, поди ж ты, нашлась та самая, которая и добрым словом утешит, и утку уберет, и влажной салфеткой все места протрет, чтобы пролежней не было, чтобы все чисто было.

Сам небесный ангел ее прислал. Павел Петрович не знал уж и чем ее отблагодарить. Деньгами и подарками старался. Но та подарки хоть и брала, но от денег отказывалась. Я, говорит, свой женский грех перед Богом отрабатываю, грешна я. А в чем грешна, так и не сказала. Мало ли у кого каких грехов! Все мы под Богом ходим, а грешим — словно дьявол нам отец родной...

Евдокия Сергеевна, так звали ту женщину, вот уже третий день, как в больнице не появляется, заболела, может... Надо к ней домой заехать, узнать, в чем дело...

Павел Петрович по рассеянности забыл выключить плиту, на которой скворчало и пузырилось что-то съестное, и теперь в воздухе запахло горелым, а он стоял и все что-то в глубокой задумчивости разглядывал перед собой на стене.

Ниночка потихоньку подошла и отключила горелку.

— Ах, какой я дурак! Забыл плиту выключить! — Павел Петрович с извиняющейся улыбкой посмотрел на Ниночку, снял сковородку, и все содержимое оказалось в мусорном ведре. — Я сейчас бутерброды сделаю! — Открыв холодильник, он достал пакет с маслом, сыр, вареную колбасу и большой розовый кусок лососины. — Чай будем пить!

Вскоре закипел чайник, хозяин снял с полки яркую жестяную коробку, в которой лежали бумажные пакетики чая и широким жестом пригласил Ниночку к столу.

Чай пили молча.

Павел Петрович брал пшеничный ломоть хлеба, мазал его маслом, сверху клал из нарезки лососину и без слов подвигал госте.

Ниночка только теперь вспомнила, что с утра ничего не ела, и бутерброды с горячим чаем были как нельзя кстати.

Привыкшая с детдомовских времен скудно питаться, она теперь никак не могла удержат себя, чтобы не соблазниться на такую вкуснятину. Было стыдно показать себя в гостях несдержанной, но ведь отказываться тоже невежливо, да и голод давал о себе знать. А Павел Петрович все подкладывал и подкладывал бутерброды, совсем позабыв о себе.

Его большая красивая кружка с изображением Нефертити давно остыла, и только кобра на головном уборе египетской царицы, раздув золотой капюшон, казалось, горела внутренним жаром.

— А вы почему не пьете? — не зная, как начать разговор, спросила Ниночка.

— А! — махнул рукой Павел Петрович, но все же взял кружку, поддержал ее в руках и выплеснул в мойку. Потом опустил в кружку новый пакетик чая, залил кипятком из чайника на плите, сделал себе бутерброд с колбасой и, обжигаясь, шумно втягивая воздух, стал торопливо запивать бутерброд чаем. Было видно, что какая-то глубинная мысль неотступно преследовала его.

Ниночка, чтобы себя чем-то занять, подошла к мойке, в которой скопилось куча грязных тарелок, чайных чашек и другой посуды: обычный холостяцкий бардак.

Она заткнула пробкой сливное отверстие, отлила из стоящего рядом пузырька моющее средство, открыла кран горячей воды и заполнила мойку. Белая густая пена шапкой поднялась над посудой, скрывая от глаз неряшливость своего хозяина.

— Можно, я посуду помою? — обернулась к Павлу Петровичу гостья.

— Зачем? Я сам!

— Мне это привычнее!

Через несколько минут на столе возвышалась стопка чистой посуды.

Павел Петрович топтался рядом, не зная, чем себя занять.

— Может, телевизор включить?

— Ой, давайте посмотрим! — оживилась Ниночка. Она еще так никогда не стеснялась перед чужим человеком, да еще мужчиной, давшим ей на сегодняшнюю ночь крышу над головой. — Теперь сериал про богатых идет. Ну, этот, как его...

— Какой сериал? «Богатые тоже плачут»?

— Да, да! — почему-то обрадовалась гостья. Только, зачем богатым плакать? У них вся жизнь в шоколаде. Им бы петь и смеяться.

— От смеха тоже умереть можно. Пойдемте в гостиную. — Павел Петрович жестом пригласил гостью, открывая дверь в комнату.

Больше всего Ниночку поразили диваны. Кажется, они были везде. Обитые желтой мягкой кожей, они магически притягивали к себе не только взгляд. Трудно было удержаться от того, чтобы по-детски, поджав под себя ноги, не примоститься на одном из них, представляя себя маленькой девочкой, которую все любят.

Забывшись, она так и сделала, сразу же утонув в необычайной мягкости и неге, ладонь ее инстинктивно, минуя сознание, ласково разглаживала шелковистую кожу, пробуждая чувственность.

На экране шла чужая жизнь, настолько далекая и чужая, что, казалось, все происходящее транслировали инопланетяне с чужой галактики. Разве может быть такое? Деньги, деньги, деньги. Весь смысл жизни в них. Ради них живут, смеются, умирают и плачут картинки, похожие на людей.

Вспомнив про деньги, она провела ладонью там, где у нее в ситцевом бюстгальтере, завернутые в узелок, были спрятаны несколько рублей, отложенных на самый, самый крайний случай, и успокоенно вздохнула. Хорошо-то как! А вот если бы много денег было? Куда б она с ними? Так и кружилась бы в водовороте, как вон те на экране в волчьей стае. Нет, конечно, жалко тех пропавших денег, но от них, проклятых, одно зло, и она снова стала смотреть меняющиеся картинки, трудно улавливая экранную суть.

От сидящего напротив в кресле мужчины исходила такая таинствен-

ная всепроникающая сила, что ее захлестнул невыносимый душный поток. На мгновение даже прервала дыхание, и она, забыв обо всем, растегнула верхнюю пуговицу на кофточке, но потом, спохватившись, тут же застегнула, мысленно обозвав себя бессовестной и наглой бабой: пришла ночевать к чужому мужчине и думаешь о немыслимом, как девочка какая. Сын неизвестно где, а она — все о том же!

— Павел Петрович, простите, — прервала она затянувшееся молчание, — а что у вас с женой? Тяжелый случай?

Но хозяин снова безнадежно махнул рукой:

— Тяжелее некуда! — и встал с кресла. — Вот плед и подушка. Отдыхайте! — и ушел к себе.

За приоткрытой дверью еще долго слышались его вздохи и тяжелый всхлипывающий кашель.

Продолжая с тревогой вслушиваться в чужую беспокойную ночь, Ниночка незаметно так и уснула: полностью одетая, даже шпильки из прически не вынула.

Назавтра она проснулась при первых звуках пробуждающегося города.

Чтобы не разбудить хозяина, Ниночка долго без движения всматривалась в тусклое окно, за которым начинался рассвет.

Дом еще спал, но город уже проснулся. За всполохами огня в комнате прорывался бесконечный машинный гул, грохот, лязг железа о железо, словно там была не улица, а открытый заводской цех по производству неизвестно чего, но чего-то нужного и необходимого. Потому что за всеми этими звуками и неровным светом электрических ламп, чувствовались согласованность и четкий ритм громадного предприятия под названием Москва.

Только теперь, в это раннее утро, проснувшись в чужой квартире, Ниночка с горестной усмешкой остро ощутила свою ненужность этому налаженному ритмичному миру, который без роздыху крутит колесо жизни, вращая равнодушные жернова, перетирающие в муку само время. И не остановить, не заглушить ни воплем, ни стенаниями этот каток, закатывающий в асфальт всякого не сумевшего увернуться от его прямой и равномерной линии движения.

Ранее и себя в городке, проживая в поруганном девичестве и в скудности материального существования, Ниночка никогда не чувствовала своей ненужности: рядом был сын, которому в младенчестве требовалась материнская ласка, позже — забота и догляд близкого человека. Жизнь была настолько сурова, что о сущности ее задумываться было некогда. Как говорится, успевай баба поворачиваться! И Ниночка вертелась.

Путаный строй ее мыслей оборвал звук плещущейся воды в ванной комнате.

Оказывается, хозяин проснулся гораздо раньше своей гостьи, и теперь вот приводит себя в порядок.

«Ой! — спохватилась Ниночка. — Как же я так? Павел Петрович вот... Что же теперь?..»

Она быстро выпросталась из-под мягкого пушистого пледа, вскочила с дивана и в растерянности, вынимая и вонзая шпильки в волосы, пыталась наскоро поправить прическу. Затекшие руки плохо слушались, шпильки в волосах никак не хотели держаться, выскользывали, и она снова пыталась найти им место.

— Доброе утро! — Павел Петрович включил в комнате свет и тем самым окончательно привел Ниночку в полное замешательство.

— Да, да! Доброе! Простите! — поспешила она с извинениями, как будто в чем-то уже провинилась. — Я сейчас, сейчас!

— Ванная свободна. Не стесняйтесь. А я пойду завтрак делать. Война войной, а кушать надо! — Павел Петрович, смущенно кашлянув в кулак, удалился на кухню.

Нет ничего стеснительнее и неудобнее, чем просыпаться в чужой квартире.

Каждое движение требует осторожности: тихой мышкой проскользнула в туалет, потом в ванную комнату, там наскоро умылась, чтобы не шуметь, под тонкой стружкой воды, быстро поправила прическу и, совсем потерянная, потянулась за курткой с намерением быстрее выскользнуть из квартиры. Но тут в прихожей раздался телефонный звонок, и хозяин дома, вынырнув из кухни, быстро поднял трубку, жестом останавливая гостью у двери.

Не зная, что делать дальше, Ниночка так и замерла на месте, виновато прижимая к груди свои нехитрые пожитки.

По всему было видно, что телефонный разговор сильно огорчил хозяина дома. Тот медленно положил трубку, тяжело вздохнул и невидящим взглядом остановился на стоящей в дверях гостье.

Потом резко потрянул головой, освобождаясь от тяжелых мыслей:

— Ну, вот и вы тоже...

Что «тоже», Ниночка так и не поняла, но, подчиняясь женскому инстинкту, покорно и молча пошла за ним на кухню.

Павел Петрович движением руки показал Ниночке на стул возле себя. Та присела на краешек, вопросительно поглядывая на шагающего от стола к окну хозяина.

— Что-то случилось? — участливо спросила она после некоторого молчания.

— Что? — переспросил тот, словно не расслышал вопроса.

— Что-то случилось? — повторила Ниночка.

— Да, — присел рядом Павел Петрович, бесцельно передвинув туда-сюда пустую чайную чашку. — Сиделка не может больше ухаживать за женой. Говорит, сама заболела крепко. Ноги отнялись. Что делать теперь, — не знаю. В Москве сиделку найти невозможно... Да... — сцепил он на столе крепкие мужские руки. — Постой! — Он, поймав какую-то мысль, попридержал почти совсем незнакомую, неожиданно так попавшую к нему женщину за плечи. — Нина, как вас...

— Александровна! — уловив его мысль, отозвалась та.

— Нина Александровна, я вам хорошо заплачу. Не могли бы вы несколько дней подежурить у моей жены в палате. А я вас подменять буду. Соглашайтесь!

— Не знаю. Мне бы только сына найти... Подежурить можно. Андрюша вот...

— Найдем мы твоего Андрея! Найдем! — обрадовался Павел Петрович, снова переходя с гостьей на «ты». — Найдем обязательно! Не бойся!

Он засуетился, услужливо расставил перед Ниночкой чайные приборы, сам сделал несколько бутербродов и пододвинул их к гостье, которая сидела, вопросительно поглядывая на хозяина.

— Нина Александровна, соглашайся! Вот тебе деньги в залог! Сыну костюм купишь! Сама говорила, что сына одеть надо!

Ниночка и не помнила, когда она так говорила с Павлом Петровичем о сыне, но кивком головы согласилась, что Андреюку надо бы и приодеть,

ведь женихается, поди, двадцатый годок пошел. Невеста, поди, есть. Нехорошо в подростковых курточках до сих пор на свиданья бегать...

— Ну, вот и молодец! Вот и ладно! — обрадовался Павел Петрович. — Поедем, я тебя с женой познакомлю, а потом твоего Андрюшу найдем. Пей чай и поедем!

— Но у меня здесь и знакомых-то нет. И остановиться негде. Как же я так вот, одна здесь? Мне и переодеться не во что!

— Нашла, о чем тужить! Одежду купим, а жить у меня остановишься. Я все равно на работе пропадаю! — обрадовался такому делу Павел Петрович. — Едем!

— Но у меня обратный билет на поезд... Как же я...

— Быстро на вокзал! Сдадим билет и — все! Давай!

Он приподнял под локоть из-за стола Ниночку и потянул ее на выход.

— Мы сейчас! Мы сейчас! — бормотал он на ходу, одевая Ниночку в прихожей и одеваясь сам.

Действительно, думала та, сама судьба идет ей навстречу. Андрюшеньку каждый день будет встречать, денежек ему на одежду заработает. Все равно, где в людях жить: что у Анны Петровны, что здесь. Здесь сыночек рядом будет... «Останусь!» — решила Ниночка.

Шанс, как туз козырный, два раза на одно место не выпадает.

4

Павелецкий вокзал, огромный и монументальный, похожий на языческий храм огнепоклонников, на этот зиккурат прямолинейный и угловатый внутри, кажется, выстроен только для того, чтобы сразу же, при входе, внушить дорожному человеку углубленное чувство незащищенного одиночества. В его подземных переходах, на ступеньках лестниц, на зеркальном кафеле пола, тревожно оглядываясь по сторонам, спешат или толкуются у светящихся электронных надписей одновременно сотни людей, и каждый имеет свою дорогу. Вот он — тот самый перекресток великого переселения народов, огромный камень из серого мрамора на перепутье четырех дорог, в какую бы сторону ты ни пошел, везде — изменчивая судьба.

Только осмелилась Ниночка ступить внутрь, как ее тут же придавила эта громада камня, мавзолейный холод которого скользнул под тонкую ее курточку и заставил зябко поежиться.

— Вам холодно? — участливо спросил Павел Петрович, снова перейдя на «вы».

— Нет, что вы! Просто здесь страшновато как-то... Мрачно.

— Ну, это с непривычки. Я тоже сперва здесь струсил. Камень.

— «Камень на камень, кирпич на кирпич. Умер наш Ленин Владимир Ильич», — почему-то не к месту продекламировала Ниночка пришедшее ей в голову стихотворение и засмеялась.

— Ну, вот! — ободрил ее Павел Петрович. — Пойдем к кассам!

Кассы железнодорожных билетов располагались на втором этаже, и чтобы пройти туда, надо было миновать пассажирский зал ожидания, который в это хотя и раннее утро возился, как растревоженный муравейник.

Под ногами сновали с криками восторга и какой-то им одной радости дети, с пакетами и чемоданами на диванах сидели, ожидая своего поезда, взрослые люди; некоторые, свернувшись калачиком, еще продолжали досыпать свою настороженную ночь.

Лавируя между пассажирами, вселяя всем своим видом уверенность в сегодняшний день, впереди шел сам Павел Петрович, а за ним спешила, обходя детей, Ниночка. «Все будет хорошо! Все будет хорошо! — твердила про себя она. — Вот найду Андрюшу и расскажу ему, что останусь с ним в Москве. Видеться будем часто. Я ему денежками помогать буду. Павел Петрович обещал хорошо платить. А за больной ухаживать — разве мне привыкать? Я за тетей Полей уже который год...»

Но тут мысли ее оборвались. На маленьком диванчике, обтянутом голубоватым дерматином, положив голову на тот известный кожаный рюкзачок, с поджатыми ногами, сладко спал ее Андрюша. Как же так! Почему он здесь, а не у себя в общежитии? Может, девушку здесь встречает, да невзначай уснул? Что же это он, а?

Так и стояла она, растерянная, вопрошая саму себя: что же делает здесь ее Андрюша, гордость ее и надежда на всю оставшуюся жизнь? Не божь ведь, студент все-таки!

— Ты чего? — снова, переходя на ты, удивленно остановился рядом с ней Павел Петрович.

— Да вот... Андрюша мой! — почему-то покраснев до самых ушей, тихо прошептала Ниночка, показывая рукой на отрешенно сопящего в две ноздри крепкого парня в поношенных кроссовках.

— Молодой человек! А, молодой человек! — потряс его за плечо Павел Петрович. — Вставай, на занятия опоздаешь!

— Я враз! Я враз! — вскочил, тряся головой, испуганный студент.

А что «враз!»? — было не понятно. Слова прозвучали скоропалительно, заученно, наверное, потому, что служители вокзала таким способом неоднократно прерывали его молодой и здоровый сон.

Ничего не понимая, парень уставился на мать:

— Мама! Мамка! А ты как сюда?! — парень был настолько ошарашен, что на его удивленный возглас стали останавливаться люди.

— Сынок, ты что здесь делаешь? Спал вот...

Андрюша, подхватив свой рюкзачок, потянул мать на выход:

— Пойдем! Я тебе дорогой объясню! Пойдем!

— Подожди, Андрюша! Павел Петрович вот... — показала она растерянно на своего попутчика.

Сын с недоумевающей улыбкой посмотрел на мать, потом на стоящего напротив довольно внушительного вида мужчину и, знакомясь, протянул руку:

— Андрей! Студент! А это моя мама!

— Знаю, что мама! А я — Павел Петрович, знакомый твоей мамы. Ты почему не в общежитии?

Андрюша, потупившись, ничего не ответил, только перекинул с плеча на плечо свой довольно потрепанный рюкзак. Было видно, что этот вопрос ему был неприятен.

— Ладно, я понял! Пойдем, билет сдадим! — Павел Петрович взял из рук Ниночки розоватую бумажку и решительным шагом направился к кассам.

— Сынок, — когда они остались одни, тихо спросила мать, — как ты здесь живешь? Домой не ездишь. Спишь вот на вокзале...

Что мог ответить нищий современный московский студент своей такой же нищей матери? Сказать, что места в общежитии ему не досталось, так как хлопотать за него было некому, да и хлопоты эти стоили больших денег в жадные руки разной общежитийской челяди, что при всем жела-

нии ни мать, ни он сам заплатить такую сумму не могли. А чтобы снять в Москве угол, хотя бы на ночь, об этом и разговора нет. Вот и приспособился студент день проводить в учебной аудитории, а ночь на вокзале. Как тут не вспомнить знаменитую строчку из Некрасова: «Не стыдися! что за дело? Это многих славный путь!» Так и ты, Андрей.

Так и ты, Андрей Батькович!

Я, хотя и знаю твое отчество, но вслух его произносить не буду. Твой отец был негодяй высшей марки, растоптавший чужую жизнь и твое детское счастье, поэтому он недостойн стоять рядом с твоим именем.

Но не будем об этом! Не стыдися! что за дело? Это многих славный путь.

Василий Шукшин пролеживал здесь казенные диваны, сочиняя свои изумительные рассказы; Николай Рубцов, поэт во Христе, собирал здесь «зеленые цветы» и лечил ими свои душевные язвы... Да мало ли какого русского гения не угораздило в безденежье коротать здесь длинные осенние ночи, спасаясь от холода и бескормицы!

Расскажи, Андрюша, как тебя подкармливала пожилая привокзальная буфетчица тетя Нюра неучтенными остатками скороспелого дорожного ужина. Расскажи, как и ты ухитрялся прожить на десять рублей в день при цене стакана чая в двадцать рублей. Расскажи, как вместе с бомжами обживал московские подвалы, чтобы утром слушать вздох лекции университетских светил о высшей механике мироздания. Многие чего ты мог бы рассказать о своей столичной жизни, но матери этого знать не надо. Отшутись, Андрюша, и благо тебе будет! Не умножай печали близких...

— Вот что, молодой человек, — сказал Павел Петрович, возвратившись из кассового зала, — я сейчас очень занят, и твоя мама тоже не может здесь с тобой оставаться. Потом я тебе все объясню. Негоже такому парню на вокзальных лавках ночи коротать. Мы тебе придумаем что-нибудь и получше, а пока жди меня здесь. Я скоро вернусь. Прости! Некогда! — Павел Петрович подхватил под руку растерявшуюся Ниночку, и они растворились в толпе, оставив незадачливого студента осмысливать происходящее.

Неожиданное появление матери в обществе незнакомого мужчины и его уверенное «Негоже такому парню на вокзальных лавках ночи коротать» совсем запутали студента.

«Ладно. Посмотрим...» — и он снова улегся на диван, подсунув под голову видавший виды рюкзачок, но беспокойство за мать не давало ему возможности сомкнуть глаза, хотя за ночь ему удалось поспать не более двух-трех часов. Сегодня у него занятия во вторую смену, и ему не помешало бы прихватить еще часик.

— Молодой человек, ваши документы! — раздался над ним требовательный окрик дежурного.

Андрей за время своих постоянных ночевков на разных московских вокзалах не раз слышал подобное, а все никак не мог к этому привыкнуть. Всегда такой голос вызывал в нем неоправданный испуг, словно он совершил что-то противозаконное, хотя обычно привокзальный милиционер, посмотрев его студенческий билет, понимающе кивал головой и больше вопросов не задавал.

Иногда, правда, с него пытались выманить какие-нибудь деньги, тогда его уводили в местное отделение милиции, там выворачивали карманы, но, увидев только мелочь да несколько мятых рублевок, разочарован-

но махнув рукой, сажали вместе с проститутками в зарешетную подсобку, где он под веселый матрок залетных служителей порока пытался доспать упущенное время.

Но такое случилось по-первости.

Потом в нем признали безденежного и безобидного студента и снисходительно разрешали находиться на вокзале до утра.

Вот и теперь молодой, незнакомый, но хлесткий голос заставил его вспомнить, что его нахождение на вокзале незаконно, и снова придется доставать довольно потрепанный синий складень студенческого билета и объяснять служителю закона, что он здесь встречается с электрички знакомую девушку, да вот задремал маленько...

— А ну, встать! — скомандовал голос.

Андрей послушно приподнялся и привычно полез в карман за студенческим билетом, всем своим существом чувствуя свою вину перед этим молоденьким милиционером в том, что он вот так оказался здесь и занял пустующий вокзальный диванчик.

— Руки! — скомандовал бравый сержантик, и Андрей, еще ничего не понимая, инстинктивно протянул руки ладонями вверх, показывая, что у него в руках ничего нет.

Секунда — и его запястья уже оказались в холодных кольцах наручников.

Ничего не понимая, Андрей хотел было освободить руки, но стальные челюсти автоматическим захватом стиснули руки так, что чуть не лопнула кожа.

— Вперед! — кивнул головой на выход сержантик, и Андрей, прихватив руками свой рюкзачок, пошел вслед за чрезмерно ретивым милиционером.

Спускаясь вниз по эскалатору, сержантик несколько раз подозрительно оглядывал незадачливого студента. Вероятно, в его служивых мозгах рисовалась мужественная картина задержания преступника и долгожданное поощрение от начальства за бдительность.

— Привет! Веду вот! — поздоровался с напарником, поднимающимся по восходящей полосе эскалатора в пассажирский зал, ретивый сержантик. Весь вид его говорил, что вот, мол, какой он удачливый: первое в столичном городе дежурство и — на тебе! — хачика схватил.

Встречный коллега удивленно посмотрел на сержанта, хотел что-то сказать, но лента эскалатора уже унесла его вверх.

Дежурная комната милиции находилась рядом с эскалатором, врезанная в красный мрамор стены, как вход в мавзолей. Сержантик долго рылся рукой в кармане форменной куртки в поисках ключа. Наконец вытащил связку, перебрал пальцами все ключи, нашел один и открыл тяжелую дубовую дверь.

— Давай, иди! — резко толкнул он Андрея в спину. — Спишь в хомуте!

В полутемной комнате было густо накурено, пахло застарелым алкогелем, мокрой кожей и еще чем-то неуловимо опасным.

Андрей хотел было присесть на стул возле стола, но сержант резким ударом ноги выбил стул и студент, задержанный по неизвестной причине, грохнулся на пол, ударившись головой о стену.

— Встать, сказал! — крикнул сержантик так резко, что у Андрея заломило в груди от предчувствия необратимой вины — вроде он только что человека зарезал, и теперь вот придется отвечать.

Цепляясь скованными руками за ножку стола, Андрей неловко поднялся и вопросительно посмотрел на сержанта. Но в глазах этого служителя порядка было пусто. Его взгляд не выражал ничего — ни участия, ни гнева. Так обычно смотрят сомнамбулы или, накурившись «дурью», гашишники, у которых хорошо развито только внутреннее зрение.

— Стоять, сказал! — выкрикнул, как прокукарекал, сержант. И снова пустой взгляд.

Андрей вопрошающе поднял, в стальных захватах, руки:

— Больно ведь! Отпусти!

— Кто? Фамилия? Быстро! Что делаешь на вокзале? Подельники? Колись! — скороговоркой заученно протараторил сержант, особо выделяя слово «колись».

— Какие подельники? Студент я! Документы вот... — Андрей, звякнув железом наручников, показал руками на внутренний карман куртки.

Сержант быстро просунул руку и выхватил оттуда студенческий билет. Долго рассматривал его под настольной лампой и, вздохнув, завистливо посмотрел на Андрея:

— Правда, студент! В МГУ учишься!

— Там! — теперь уже с вызовом сказал Андрей. — Сними, говорю, железо! — он потряс перед носом милиционера наручниками.

Тот с готовностью отстегнул потемневшие от времени стальные челюсти.

— Во! А я думал, ты Москву взрывать приехал. Лицо у тебя какое-то... А ты вон, оказывается, студент! — сержант торжественно, как победителю, вручил Андрею студенческую книжку. — Учись иди!

В то время, пока ретивый сержантик пробовал в комнате милиции разобраться с задержанным, того уже тщетно разыскивал Павел Петрович, опрашивая всех в пассажирском зале о приметном студенте с кожаным рюкзаком. Но кто в этой вселенской толкотне и привокзальной мешанине обратит внимание на какого-то там студента, пусть и приметной наружности? Одни разводили руками, другие, отмахиваясь от вопроса, устремлялись вниз на перрон для посадки в поезд, третьи озабоченно качали головами.

Вконец расстроенный Павел Петрович в тщетной попытке разыскать Андрея решил, вопреки всему, обратиться к милиционеру, праздно прохаживающему по залу: этот-то по долгу службы должен заметить одинокого парня, так не похожего на транзитного пассажира!

— Студент, говоришь? — милиционер сдвинул со лба форменную фуражку, потер в задумчивости брови и вдруг захохотал: — Андрей, говоришь? Так его минут пять назад дятел рязанский, ну, этот, наш Фофан прикомандированный, в браслеты заковал и в ментовку потащил. Козел! Террористами бредит. Пусть учится! Салага...

Павел Петрович, не дослушав последней фразы чересчур фамильярного служителя закона, бросился вниз к эскалатору, он по своему опыту знал, что в милиции встречались такие сапожники, что могут запросто пришить подошвы даже к босой ступне. Уголовных дел много, а копать глубоко они не всегда способны — бояться в шахту попасть.

Было немало милиционеров, в большинстве своем набранных в Москву из сельских демобилизованных солдат, не имевших никакой гражданской специальности и не пожелавших добывать свой хлеб насущный тяжелым трудом. Так эти просто кислотной коррозией разъедали веру в справедливость закона. Малообразованные, тупые и неспособные к нор-

мальной разумной деятельности, они у столичных жителей потеряли всякое уважение.

Павел Петрович, как истинный представитель своего народа, тоже не особо доверял милиции, но на этот раз разговорчивый дежурный дал точную информацию: незадачливый студент чуть не сшиб Павла Петровича, когда тот потянул на себя массивную медную ручку дубовой двери милицейской комнаты.

— Андрей, — попридержал его за плечо Павел Петрович, — ты куда так?

— Гражданин, вы кто? — показался в дверях тот самый рязанский «Фофан» с наручниками в руке, показывая всем своим видом готовность к схватке с вероятным противником.

— А тебе не все равно! — отмахнулся от рязанца Павел Петрович, подталкивая студента к выходу.

— Да, я вот... — Андрей, смутившись, попытался что-то сказать, но Павел Петрович оборвал его:

— Не надо! Пойдем ко мне в контору. Здесь недалеко.

Контора частного юридического заведения «Стриж», которое возглавлял новый знакомый, располагалась на первом этаже небольшого уютного двухэтажного здания, в глубине улицы, за высоким каменным забором.

Контора — не совсем точное название. Теперь даже сапожная мастерская гордо именуется офисом, а здесь офис налицо: вывеска на огромной двери с названием организации, приемная с секретаршей и телефоном и небольшой, но достаточно солидный кабинет с длинным столом для заседаний, покрытым тяжелым зеленым сукном. Все, как у всех успешных предпринимателей, занимающихся небольшим, но доходным бизнесом.

Павел Петрович устало опустился в черное кожаное кресло с высокой спинкой.

Было видно, что он чем-то глубоко озабочен и мысли его теперь находятся совсем в другом месте. За последние месяцы, как нелепый трагический случай с женой перевернул все его существование, он становился все более и более рассеянным, попадал в нелепые жизненные ситуации. Вот и теперь он сам не смог бы ответить на вопрос: зачем ему понадобилось вчера включаться в разговор с потерявшейся в большом городе женщиной, предлагать ей ночлег, а вот сегодня с утра заниматься судьбой ее сына, как будто у него нет других, более важных дел?

Он внимательно посмотрел на студента: хорошее лицо, колоритное. Широкий разлет бровей и крутые скулы с уже пробивающейся густой порослью черных волос напоминали о том, что триста лет татаро-монгольского ига для Руси не прошли даром.

«Хорошее лицо, умное. Правда, бриться бы ему пора, — подумал про себя Павел Петрович. — Ишь, как мужик из него прет! Абрек абреком. Наследили на русских просторах...»

Андрей сидел, с недоумением и тревогой поглядывая на человека, утонувшего в глубоком кожаном кресле напротив: чего ему от меня надо? И почему мать оказалась в Москве с этим самым человеком?

— Андрюша, — Павел Петрович встал и положил руку на плечо встревоженного парня, который тоже сделал движение приподняться. — Сиди, сиди! Я тебе сейчас все объясню. С твоей матерью я познакомился только вчера вечером. Она ехала к тебе в общежитие, а там, как ты знаешь, бордель организовали твои профессора. Вот она и осталась в Москве

без крышки над головой. Ночевать-то где будет? Пришлось мне ее на ночлег устроить...

Павел Петрович предусмотрительно промолчал, что мать Андрея ночевала в его квартире и что у нее вытащили по дороге деньги, — зачем смущать и расстраивать студента, у него и так, судя по всему, забот выше головы?

— Андрей, — продолжал Павел Петрович, глядя студенту прямо в глаза, — ты взрослый парень, и ты один у матери, и тебе надо учиться. Так?

— Так! — ответил несколько смущенный Андрей. — А вы-то тут причем? Альтруизм, как атавизм, — теперь не в моде! — Он с нескрываемым вызовом посмотрел на своего странного собеседника. Было видно, что парень этот не так прост, да еще и с присущей нынешним молодым гордостью: мол, я сам, и «самее» меня никого нет!

Павел Петрович в молодости и тоже был такой: чуть что — я сам! Не любил быть кому-то обязанным. Начальству подчинялся, но в просьбах себя ограничивал, справедливо полагая, что в этой жизни за все надо платить, и цена может быть несоразмерна плате. Нет, я уж лучше сам, как-нибудь...

— Слушай, я в твою жизнь вмешиваться не буду, но у меня к тебе есть одна просьба вот какого характера: сделай мне одолжение — выручи! Мне нужен человек на телефон. Ну, такой, я бы сказал ночной директор, чтобы за меня мог в ночное время решать некоторые вопросы. Ты, я вижу, парень с головой, систему поймешь с двух раз: все звонки моих клиентов и проблемы их записывай в журнал — вот и все! Дежурить будешь в моем кабинете, там есть диван, а постельные принадлежности тебе выдаст моя секретарша. Олечка! — крикнул он в дверь. — Выдай этому молодому человеку подушку и простыни. Он теперь в ночное время, с восемнадцати и до девяти утра, — мой заместитель. Оклад — рядового сотрудника с ненормированным рабочим днем. Все! Извини, Андрей, теперь я занят. Иди в свой универ, занимайся, а к восемнадцати ноль-ноль будь любезен быть на рабочем месте. Вот тебе журнал учета! — Павел Петрович достал из стола новенькую тетрадь и протянул ошарашенному студенту: — Работай!

Студенту, привыкшему жить кое-как и наудачу, предложение откуда-то свалившегося, как новогодний подарок, незнакомца, представлялось слишком хорошим, чтобы в него поверить.

Но выданные симпатичной Олечкой спальные принадлежности говорили о счастливой реальности. Вот они — простыни, одеяло и подушка на огромном кожаном диване ждут ночного возвращения, чтобы сладко убаюкать его молодое, давно отвыкшее от постели, здоровое тело.

Андрей был до того удивлен и обескуражен, что невзначай заблудился и вместо входа в метро уперся взглядом в какое-то массивное сооружение, оказавшееся просто входом в обычный чиновничий улей бесконечных московских «управлений».

— Вот-те на! — удивленно воскликнул студент и, встряхнув рюкзачок за спиной, повернул в обратную сторону.

Сегодня занятия у него начались во второй половине дня, и времени было достаточно, чтобы не спеша выпить чашку кофе с гамбургером, о котором он мечтал еще со вчерашнего дня, подсчитывая оставшуюся в кармане мелочь.

Предложение удивительного незнакомца с обещанием зарплаты вселило в него такую надежду на завтрашний день, что он мужественно выложил деньги в пухлые руки буфетчицы.

«Хорошо-то как жить!» — с восторгом произнес про себя Андрей, отодвинув вмиг опорожненный стакан. Конечно, что для русского человека какой-то вялый, ватный, состряпанный на заграничный манер гамбургер и стакан теплого кофе? Ему бы кусок нормального ржаного хлеба да шма-ток сала с чесночком! Да кружку молока! Вот тогда бы совсем хорошо было!..

Но о чем думать, когда и так — ничего себе!

И счастливый студент бодро нырнул в исходящее запахами камня и железа механическое чрево метро, догонять оставшееся до занятий время.

5

«Вот ведь как в жизни случается — не узнать, где найдешь, а где потеряешь!» — думала про себя Ниночка Теплякова, усердно протирая влажной душистой салфеткой чуть припухшее после сна лицо еще нестарой женщины, лежащей на больничной койке в одноместной светлой палате.

Ниночке было так жалко больную, что она сама едва удерживалась, чтобы не заплакать.

Из рассказа Павла Петровича она представляла его жену молодой и счастливой женщиной, а перед ней лежало плохо податливое тело со следами распада живой ткани из-за нарушения циркуляции крови от пролежней.

«Зачем она садилась за руль? Зачем спешила? Куда рвалась? Жила бы теперь счастливо с таким замечательным мужем и радовалась бы жизни! А что теперь? Господи, страсть-то какая!..»

Чувство сострадания к больной пересиливало брезгливость. Ниночка осторожно, чтобы не сделать больно, повернула женщину набок и, как проинструктировал ее лечащий врач, промокнула участки воспаленной кожи дезинфицирующим пщадящим раствором, затем легкими движениями ватным тампоном смазала эти участки маслянистой желтой жидкостью, которую ей при инструктаже дал лечащий врач, объяснив, что и в какой последовательности надо делать.

Больная, вероятно почувствовав заботливые руки, признательно посмотрела на Ниночку и попыталась улыбнуться, но вместо улыбки на лице обозначилась такая жалкая гримаса, что Ниночка не смогла удержаться и незаметно смахнула с ресницы набежавшую слезу. Она только взяла теплую податливую ладонь страдающей женщины и ласково погладила: мол, ничего, ничего, заживет как-нибудь!

Но было видно, что «как-нибудь» уже не заживет. Уже наступало время невозврата, и Ниночка понимала, что жену Павла Петровича не выписывают из больницы только до тех пор, пока тот оплачивает, не скупясь на расходы, пребывание жены в больнице.

Работа по уходу за больной не доставляла Ниночке никаких трудностей: она с детства, еще в детдоме, научилась помогать нянечкам убирать комнаты, ухаживать за младшими, или когда кто заболит — Ниночка тут же: «Тетя Варя, тетя Галя, можно я сама посижу с больным?» — «Можно, дочка, — скажут, — посиди, а я рядышком подремлю. Посиди, милая!»

А Ниночка и рада. Микстурку накапает, подушку поправит, или просто посидит, подперев кулачками щеки. Все представляет себя врачом. Вот вырастет, окончит школу, в институт поступит. Обязательно посту-

пит. Только в медицинский. Лечить людей будет. Тетю Варю, нянечку, обязательно от радикулита вылечит. Старенькая она, тетя Варя, а все работает. Говорит, что одна она на этом свете. Муж на стройке погиб. Балкой придавило. А сын сгинул. Уехал Байкало-Амурскую магистраль возводить и пропал. Ни ответа, ни привета. Может, водкой захлебнулся, уж очень он любил гадость эту, а, может, под кедрач плечо поставил и уходился. Говорят, там, в Сибири, всякое бывает. Ох, грехи наши тяжкие!

Ниночка, бывало, вздохнет горько, по-бабьи, и снова головку на кулачки и сидит так у больного. Снова в мечтах. Снова видит себя в халате белом и с блестящей рогулькой на резиновом шланге, на конце которого мячик. Такую штуку она вчера видела у врача из «скорой помощи», когда у директора детдома, доброго и улыбочивого Георгия Иваныча, сердечный приступ был. Тогда и приехала «скорая помощь». Тетя Галя ее, эту «помощь», «неотложкой» называла, когда по телефону в больницу звонила. Тетя Галя у них недавно работает, ей жить негде. Она из какого-то Стервотомака приехала, так она свой город называла и ругалась плохо. А теперь вот здесь, в детдоме, живет, с новенькими нянькается, которых недавно подселили. Она добрая, тетя Галя, всегда или конфетку даст, или по голове погладит, когда мимо проходит. Я ее тоже лечить буду, у нее ножка болит. «Ревматизм, проклятый, — ругается она, — в Стервотомаке заработала!» А вообще-то тетя Галя хорошая, красивая. Может, говорит, замуж за Кузьмича выйду. Кузьмич — это сторож детдомовский, он всегда на ночь дежурить приходит. Он хороший, только кашляет много и курит. Я его тоже лечить буду.

Вот они какие думки приходили в детскую головку воспитаннице Тамбовского детского дома номер пять, в который она попала, не помнит, когда. Наверное, маленькой была. Сказывали, что ее прямо из роддома взяли, когда она самостоятельно ножками переступать стала. Как говорила тетя Варя, старшая над всеми нянечка, годик ей тогда был.

Теперь вот мечта ее сбылась. Она в больнице, да в такой, где за одни сутки целые тысячи платить надо. Теперь у нас светлое капиталистическое будущее. Депутаты вон как рвутся окно рубить в Европу, да пошире, чем царь Петр рубил. Такое окно, чтобы сквозняком всю советскую дурь выдуло. Ишь, равенство им подавай! Чтобы волк с зайцем в одной норе жили. Фиг вам! Мы — элита, а вы — быдло. Я баксами подтираюсь, а вы над российским деревянным рублем руки греете в сиротской остуде.

Сидит Ниночка возле несчастной женщины и себя такой счастливой чувствует, что даже стыдится. Вот она, молодая, здоровая, руки-ноги на месте. Чего ж еще надо?! И станет ей так неудобно за свое здоровье, что она тут же подушечку страдалнице подправит, салфеткой душистой ей влажное лицо промокнет, с ложечки покормит. Или просто так за руку возьмет и утешительные молитвы шепчет, которые сама себе насочиняла. Господь, может, простит ее склад неумелый?..

В последнее время Ниночка к Москве по привычке. Сама на метро с пересадками куда хочешь уедет. На маршрутном автобусе до квартиры Павла Петровича теперь легко может добраться, да только редко она там бывает. Все ночи и дни она в палате при больной находится, там же вместе и питается.

Павел Петрович так распорядился, — что его жене готовят, то и ей, сиделке при страдалнице.

Покормит Ниночка больную, уговорит ее ложечки две-три проглотить

и сама — ложечку. Больная ест плохо, а еду грех в тарелках оставлять, вот Ниночка и подберет вместе со своей порцией и ту, которая от большой остается.

Стыдно Ниночке. От сытной и спокойной жизни она вновь обрела утраченную, казалось, навсегда женскую статью. Округлилась лицом и телом. Вон как груди налились, так и выпирают из кофточки, — срам-то какой! Придет Павел Петрович жену проведать, а Ниночка закраснеет вся, и запахнет покрепче халат на груди. Да разве усмотришь! Так и рвутся из-за пазухи наружу! Бесстыжие да брыкастые...

Читатель сам догадается, что может стать при таком раскладе...

ЭПИЛОГ

«Память возвращается, как птица, в то гнездо, где раньше родилась», — написал известный поэт, и этим сказал все о том, что принято называть ностальгией.

Глубокое чувство утраты чего-то большого, главного, чего нельзя объяснить рациональным разумом, над чем можно только молча опустить голову, привело меня через много лет к порогу, от которого протянулась и моя, пусть неровная и каменистая, но только моя дорога.

Я приехал в город своей нищей юности и попытался отыскать в неузнаваемых чужих переулках тот самый каменный, оставшийся от бывших вынужденных переселенцев на принудительные работы (тогда было и такое!), барак, в котором мне пришлось проводить самые счастливые часы жизни.

В сладком уединении, спрятав зябнущее тело в поношенный ватник, я отдавался своей, невесть откуда взявшейся гармонии строчек и слов, от которых, как я тогда неразумно и поспешно считал, зависит все мое будущее.

Голова кружилась, и сердце пело от гулких звуков — своих и чужих. Я пробовал писать стихи.

Это половодье захлестывало меня так, что я неделями не выходил из своего логова, обогреваясь только жаром своей молодой крови.

Дело в том, что я своей судьбой распорядился несколько опрометчиво. Посчитав себя поэтом, уволился из монтажного управления и разом потерял крышу над головой. Меня выписали из рабочего общежития.

До первого вечера было еще ничего, а как подоспела ночь, сразу стало неуютно и зябко.

Но не все так плохо.

Добрейшая тетя Сима, наша комендантша Серафима Ивановна Никольская, верила в мой талант, кажется, больше, чем я сам. Долгими вечерами, сидя с ней в ее каптерке на грядке матрасов, я вдохновенно, прикрыв глаза и мотая головой в такт строчкам, доказывал себе и ей всю прелесть поэзии.

Тете Симе мои сочинения нравились.

Она даже несколько раз всплакнула, когда я однажды прочитал ей стихи о своем послевоенном детстве, насквозь продутым ветрами недавней войны.

Издредка стихи публиковали областные газеты, так что, отправляясь на «вольные хлеба», я был уверен, что меня ждут не дождутся литературные журналы и издательства.

Святая простота!

Все это я говорю к тому, что Серафима Ивановна, следуя своим материнским чувствам, приютила меня, обездомевшего, в складском закутке семейного барака, которым она тоже заведовала.

Закуток находился прямо в подвале, так что мой потолок служил полом полуподвальной квартиры, где и проживала со своим горьким мужем и сыном Андрюшей Ниночка Теплякова.

Каменные стены барака были метровой толщины, даже в самые жаркие дни лета они не пропускали тепло, но и за всю зиму, как ни топи, — согреться было невозможно.

Сложенные еще в позапрошлом веке для рабочих суконной фабрики, стены эти видели многое.

На заре советской власти здесь располагалась детская колония. Потом колонию расформировали, и сюда направили жить людей трудового фронта, иначе говоря, осужденных за разные провинности к принудительным работам. Потом отдали барак в распоряжение местного жилкомхоза для социально незащищенных граждан нашей необъятной Родины.

Тогда на какое-то время и моя жизнь оказалась социально незащищенной и протекала в этом пакгаузе. Уж очень стены барака напоминали сооруженные еще Петром Первым складские помещения на невских берегах — глухие, мрачные и оттого таинственные.

Вернувшись, по случаю, в город своей юности, я страстно захотел увидеть тот порог, откуда началась моя дорога во взрослую жизнь. Такие сооружения времени не подвластны, стоит небось дед каменный! Куда денется!

И я прямо с вокзала; кроме пачки сигарет в кармане, у меня никаких вещей не было, подался по забытым улицам и переулкам на заводскую окраину в надежде встретить кого-нибудь из знакомых. Серафима Ивановна, дорогая тетя Сима, давно умерла, но ведь кто-то должен остаться? Ниночка Теплякова, наконец! Помню, как она мучилась со своим сынишкой Андрюшей и уголовником-мужем. Может, увижу еще? Ей-то куда деваться?

Ноги по старой памяти сами принесли меня к большому двухэтажному строению, совсем непохожему на мое бывшее гнездовье. Только по старому раскидистому вязу да по бокастой водонапорной башне, сохранившейся здесь то ли по недосмотру местных властей, то ли еще по какой причине, я догадался, что вот это здание, облицованное по теперешней моде в декоративный мрамор, с высокими светлыми окнами, в которых, несмотря на ясный день, празднично горело электричество, освещающая зазывную щедрость витрин, — и есть тот самый барак.

Весь первый этаж занимал роскошный магазин женского белья, вызывая смутные чувства. Полуобнаженные изящные формы звали к богатой веселой жизни, где все можно достать за деньги. Хороший магазин для зажиточных людей, но какое отношение он имеет ко мне, к тому периоду жизни, когда я, запахнув на груди поношенный ватник, приобщался здесь к восторженному восприятию образного мира. А какие были собеседники?! Павел Васильев, Есенин, Николай Клюев, Гумилев, Тряпкин и даже Маяковский с одесситом Багрицким. Вот они, какие собеседники были у вечно зябнущего и юного барачного жителя!

Теперь здесь празднично светились окна сквозь золотую мишуру сквозных занавесок. Зайти, что ли? Вроде товар не для мужчин. Хотя, как сказать... А что, давай зайду!

Горьковатый запах духов тонко просачивался через большие стеклянные двери. Мой помятый дорожный вид тут никак не вязался с легкой кружевной изморозью интимного нижнего белья, при виде которого сразу хочется чего-то высокого, нежного и несбыточного.

Но искушение было велико. Небось не выгонят!

И я открыл податливую дверь с мелодичным звонком, сообщаящим, что пришел покупатель оставить свои давно отложенные для такого случая деньги. Никаких отложенных или лишних денег у меня не было, да и покупать такие рискованные вещи я никогда в своей жизни не осмеливался. Потому, сделав подобающий независимый и рассеянный вид, я стал как пожарный инспектор оглядывать помещение на выявление случайного возгорания.

— Гражданин, вам не здесь?! — откуда-то из-за занавесок меня окликнул певучий женский голос.

Что «не здесь?!», я так и не понял. Может, вид у меня был настолько неуместен в этом царстве облачных кружев, что заставил усомниться в моей покупательной решимости такой знакомый и полузабытый голос.

Повернув голову, я заранее уже знал, что увижу кого-то из моего далекого времени, только кого, — не догадывался.

— Нинка! Ниночка Теплякова! Это ты, что ли?

Моему удивлению не было предела. Передо мной стояла в строгом деловом костюме женщина, в которой я никогда бы не узнал свою старую знакомую, если бы не эти глаза. Так до сих пор и не исчезла в них какая-то виноватость, — извиняющиеся глаза, да голос, идущий, казалось, из самой глубины, оттуда, где живет в своем мире женская всепрощающая душа.

Хороший голос. Любил его когда-то слушать, сидя в ледяном подвале за упрямой, неподатливой строкой, а сверху с потолка слышалась баюкающая колыбельная песня. Это ее голос тогда будил во мне еще непонятные, смутные желания семейного уюта и счастья, до которых мне было так далеко, что не доедешь ни на каком транспорте.

— Нина, ты ли это? Прямо вся как дама высшего света! Миллион выиграла в рулетку?

— Выиграла. Может, больше, чем миллион. А ты все такой же! Я тебя сразу узнала, только засомневалась. Очень уж ты постарел! Думаю, точно, сосед мой, только совсем другой!

— Да и ты совсем другая! Никогда бы не подумал, что ты так можешь выглядеть! — сорвалось у меня с языка. — Извини за бестактность, но, правда, ты вся такая, такая...

Ниночка покраснелась:

— Говори! Какая? Я и сама не думала, что можно так жить. А вот живу ведь. Павел Петрович! — крикнула она куда-то за занавеску. — Павел Петрович, иди я тебя с давним соседом познакомлю! — Потом ко мне: — Ты-то где теперь? Я слышала, что получилось у тебя с писательством. Небось теперь и деньги появились, не как тогда?

Ах, Нина, Ниночка, наивная женщина, случайно выигравшая в жизненной лотерее! Какие могут быть в сучье время у писателя деньги? В долгах — да! За каждую выпущенную в свет книгу надо теперь деньги искать или спонсора. Что сказать?

Я не стал переубеждать ее в уверенности, что писатели — люди богатые и счастливые. Святая ложь! Мне стало неловко за свой далеко не презентабельный вид:

— Да вот с дороги только! В командировке здесь... — И для верности твердо повторил: — В командировке. Посмотреть пришел на барак наш, а увидел дворец какой-то!

К нам подошел, припадая на правую ногу, мужчина моих лет, или несколько помоложе.

— Павел Петрович, познакомься, — мой старый товарищ и сосед. — Ниночка взяла за руку мужчину и протянула его руку мне.

Я назвал себя и пожал поданную руку:

— Как здесь все изменилось...

— Да! Пришлось сюда вложиться по максимуму. Нина Александровна настояла, а я поддался! — засмеялся мой собеседник, подмигивая Нине Александровне.

Я с удивлением посмотрел на Ниночку. Надо же, Нина Александровна!

Здесь я впервые услышал, что моя давняя соседка Ниночка еще имеет отчество, а то все Ниночка да Ниночка! Вроде девочки на подхвате, на побегушках, а тут сразу — Нина Александровна!

Слышите разницу? Вот что дает человеку его отчество. В нем все — и уважение к происхождению, и какая-то жизненная весомость, солидность, вроде галстука в мужском костюме. Ведь не скажешь человеку при галстуке: эй, ты, посторонись! ты мне ногу отдал!

— Что же мы здесь стоим? Нина Александровна, приглашай своего знакомого в гости! Он, как я слышал, в командировке. А командировочный человек — человек государственный, свободный. Ему самый раз за семейным столом посидеть. Так ведь? — Павел Петрович дружески положил мне на плечо руку, подчеркнув убедительность вопроса.

По всему было видно, что этот Павел Петрович довольно коммуникабельный и простой человек.

Действительно, а чего разыгрывать неприступную крепость. Кто ж от стола откажется? Я вопросительно посмотрел на Ниночку, теперь уже — Нину Александровну.

— Ой, извини, а я и не подумала! — сказала она. — Паша, повесь табличку «Перерыв» и пойдем обедать! Мы здесь, наверху живем. Да и ты располагайся у нас. Гостиницы теперь дорогие. Ты где остановился? — обернувшись ко мне Ниночка, стуча каблучками по ступенькам винтовой лестницы, ведущей прямо из торгового зала на второй этаж.

— Да я только с поезда, еще до гостиницы не дошел.

— Вот и хорошо! У нас восемь комнат, а гостей никого. Вот и поживешь с нами! Правда, Паша?

— Ну, если нашему гостю удобно... Ты как? — спросил он, переходя со мной на дружеское «ты».

Действительно, почему бы у них не остановиться на некоторое время? По всему видать, семья дружная, общительная. Да и платить какие-то деньги за угол в гостинице не хочется. Тем более что в нашей конторе командировочные мизерные, да и те не всегда получишь. И я с радостью согласился.

— Ну, вот так мы и живем! — Павел Петрович широким жестом обвел большую, как средних размеров сельский клуб, гостиную, занимавшую почти половину второго этажа нашего, когда-то густонаселенного барака.

Да, перестройка была основательная! От прошлого здесь ничего не осталось, разве только полуметровые кирпичные стены, да и они тоже

снаружи спрятаны под модной пластиковой обшивкой, а внутри под слоем цветной штукатурки.

По центру гостиной стоял круглый стол с высокой цветочной вазой, в которой дымчатыми иссиня-голубыми ежиками на длинных стеблях красовался большой букет острого синеголовника, — упавшие с зимнего неба звезды.

Есть такая разновидность колючей поросли, которая растет у нас в средней полосе по сухим луговым склонам. Растение неприхотливое и необыкновенно красивое своими, отливающими чистейшим серебром, колючками. Раньше у нас в Бондарях букетики синеголовок развешивали по углам для отвода нечистой силы, которая ну никак не выносила один вид этой божьей травы. Таким способом только и спасались одинокие послевоенные бабы от засилия всяческой нечисти...

Над круглым столом цветным шелковым парашютом спускался купол абажура, весь залитый золотом электричества. Золотой песок сыпался на белую в огромных розах каемчатую скатерть.

Весь антураж гостиной напоминал старинную залу в каком-нибудь купеческом доме — все основательное и крепкое, говорящее о нерушимости семейного уклада и достатке.

— Нина Александровна, может, ты пригласишь отобедать нашего гостя? Чего-нибудь такого, — поплотнее и покрепче! Ты как? — по-свойски обратился он ко мне.

— А как? — в тон ему ответил я, предвкушая по одному улыбочивому виду хозяев долгое застолье. Да и время было такое, самое-самое: то ли поздний обед, то ли ранний ужин.

— Ну, тогда так, — по-хозяйски стал распоряжаться Павел Петрович. По его полусутопливому тону было понятно, кто в доме хозяин: — Что есть в печи, на стол мечи!

— Паша, может, пойдем на кухню? Там поуютнее. А здесь как на стадионе...

— Давай на кухню! Я не возражаю! А ты? — повернулся он ко мне.

— Возле печи и харчи горячи! — попробовал я скаламбурить.

Было видно, что во всем этом большом доме недавно делали основательный евроремонт и перестройку.

Все, — как с чистого листа.

Кухня по площади немного уступала гостиной, но сверкающий антураж всевозможных приборов, буфетная стойка с баром для напитков и низкий продолговатый столик под белой скатертью делали кухню больше похожей на маленькое уютное кафе где-нибудь в приморском городке. Так потянуло сесть и заказать чего-нибудь такого, от чего в душе станет просторно и вольно.

Наверное, у меня разыгралось воображение, и я представил себя сразу и молодым, и счастливым.

— Садись, а я Ниночке помогу у плиты! — Павел Петрович, смахнув со стула с золотым шитьем маленькую подушечку-пуфик, усадил меня за столик; скатерть на столешнице оказалась на уровне моих коленей, что позволяло расслабиться, откинувшись к мягкой высокой спинке стула резного темного дерева.

И здесь чувствовалась основательность семейного уклада, чему я не переставал удивляться. Было видно, что гостей здесь не ждали, но бутылка запотевшего стекла уже стояла на столике, как бравый прапорщик в ожидании построения солдат. Вот появился рубленый на скорую руку

салат из помидоров в майонезе, прямо на широкой разделочной доске наше русское сало с крупными зубчиками чеснока, широкие ломти хлеба и пара малосольных огурцов в прилипших листиках из рассола.

— Пока все! — поставил на стол рюмки довольный Павел Петрович и потер ладонь о ладонь, размышляя, чего еще здесь не хватает для первой «разминки». — Ладно, все! Нина Александровна, присаживайся к нам! Я на ужин сам что-нибудь сварганю! Иди сюда! А то гость твой уже заскучал.

— Да нет! Это я еще с дороги такой. У вас здесь так уютно...

Подошла в цветном фартуке сама Ниночка:

— Вы угощайтесь, а я пока котлеты пожарю. Я враз!

— Ну, давай! — что-то раздумывая, попридержал в руке рюмку Павел Петрович. И уж совсем просто: — Баба с возу — кобыле легче! А мы с тобой, брат, выпьем, потому что — мужики!

Непредвзятая домашняя обстановка и добрые хозяева делают свое дело. Стопку Павел Петрович держал как факел. Поднимал над головой, вспоминал своих боевых товарищей, братался со мной, но пил маленькими глоточками, а потом вкусно хрустел огурцом...

Неожиданно я понял, что от бутылки осталась совсем ничего, а солнце еще стоит в окнах. До вечера еще далеко...

Вот уже Ниночка принесла отварную молодую картошку и в низкой блестящей кастрюльке котлеты, залитые ярко-красным горячим соусом, исходящим такими запахами, что злоупотреблять доверием хозяев не стоило бы, но рука сама потянулась к вилке.

— Э, подожди! А накинуть еще по стопарику! — было видно, что Павел Петрович здесь заскучал по гостям, и теперь вот и сам с удовольствием угощается, и меня, случайно завернувшего сюда на переулочек памяти, угощает. — Давай посидим. Хорошо-то как: солнце в окнах, закуска на столе, — Павел Петрович взял со стола почти опорожненную бутылку и посмотрел на просвет. — Нет, так дело не пойдет! Мы еще не начинали, а выпивка уже кончается. Я щас!

— Посиди, Паша, у меня в холодильнике настойка монастырская. Она для здоровья. Ух, хороша! Я сама принесу! — Ниночка сняла фартук, повесила его на спинку стула и, машинально поправив прическу, пошла к холодильнику. Вернулась она с приземистым, но довольно внушительным и бокастым графинчиком гладкого литого стекла с желтоватой жидкостью, в которой нырял и выныривал остроносый поплавок красный стручок перца. — Это вам для очищения мозгов. Чесночная настойка на перце. Ее рецепт мне подсказала моя добрейшая Анна Петровна, Царствие ей Небесное! — Ниночка перекрестилась на высокие в закатном огне окна и присела к нам за столик.

Не знаю, почему настойка называется монастырской, но от святости монастырей она, по-моему, взяла самое ядреное, то есть очищение через покаяние.

По действию на все вкусовые рецепторы ее можно назвать «огненным драконом». После одного глотка рука сама начинает шарить по столешнице, — что бы ухватить на закуску.

Ничего не скажешь, — добрая настойка. Аж слезу вышибает.

— Ух! — вкусно мотнул головой Павел Петрович и полез вилкой в кастрюльку с котлетами.

Да, хорошая учительница была Анна Петровна! После звучного выдоха я последовал примеру хозяина. В голове становилось заметно свет-

лее, но зато есть захотелось неимоверно. Самое интересное, что после пары рюмок такой настойки выпивка стала представляться пустопорожним занятием, сознание полностью переключилось на закуску. А как говорил мой незабвенный бригадир монтажников Серега Чалый, — пить да закусывать — это только портить водку.

Действие алкоголя быстро улетучивалось, а аппетит нарастал. Было даже как-то неудобно так часто нырять вилкой, но кто же от такой закуски откажется?

Хорошие люди, хороший ужин, хорошая выпивка, — самое время по чашке кофе и поговорить. Я отложил вилку. Угадав мои мысли, Ниночка пошла к плите, и оттуда сразу поплыл густой аромат настоящего кофе, нет, не того, растворимого, перетертого в зольный порошок, а настоящего, из жареных и только что смолотых зерен.

Чудесный запах дальних стран и неожиданных приключений. В маленьких чашечках, размером не более розового лепестка, уместился весь Зурбаган с Алыми Парусами.

— Нина, я рад тебя видеть такой счастливой, ты что, клад нашла?

— Ага. Вот мой клад, посланный Богом! — Ниночка встала, молодо встряхнула кудрями и притянула голову Павла Петровича к своей груди. — Вот мой клад! — повторила она и ласково поцеловала в уже начинающую лысеть макушку своего обожателя. — Клад ты мой бесценный!

Тот только смущенно улыбался и крутил головой, норовя освободиться.

— Ну, тоже скажешь, клад! Неизвестно еще, кто кому должен? Что бы я один без тебя делал? Плохо мне тогда было, когда Елены Ивановны, жены моей, не стало. Сын далеко — не докричишься, а горе — вот оно, близко. Я было чуть не запил, да вот Нина Александровна рядом оказалась, вытащила из черной дыры, пожалела. Сын ее, Андрюша, в конторе меня заменял, пока я отходил от заразы этой, — показал он на рюмки. — Да, — спохватился Павел Петрович, — а пошто же мы сидим так вот... Ниночка, ты не возражаешь, если мы с гостем еще по рюмашке?..

— Не знаю, как гость? — обратилась она ко мне.

Злоупотреблять гостеприимством — самое последнее дело. Я решительно отказался:

— Хватит уже! Может, лучше, Ниночка, ты про свою жизнь расскажешь. Интересно все-таки! Как сын твой, Андрюша?

— Он у нас теперь, — она с гордостью посмотрела на Павла Петровича, — докторскую степень защитил! В космической отрасли работает. В Москве квартиру получил. Мы, — она опять ласково посмотрела на Павла Петровича и взяла его за руку, — квартиру ту, московскую, на сына Паши переписали, хотя Николай Павлович, — так она уважительно назвала пасынка, — на Дальнем Востоке пока еще служит. Полковник! — Она снова с гордостью посмотрела на мужа. Было видно, что Ниночка одинаково гордится и своим сыном, и сыном Павла Петровича.

— А здесь вы как оказались? — Я обвел рукой помещение.

— Павел Петрович мне решил подарок сделать. Свой бизнес в Москве продал, а этот барак выкупил и перестроил его под магазин, как я с детства мечтала. Так вот мы здесь и живем. Правда, Павлуша?

— Правда, правда! Ты нам лучше пивка принеси с креветками. Мы с твоим гостем посидим, покалякаем. Ты как? — снова спросил он.

— Да, тоже — так! — в тон ему ответил я шутливо.